

Анна МАТЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ЗАПАДНЯ

ИЩИТЕ ДЕВУШКУ...

Анна Малышева

Западня

«АСТ»

2005

Малышева А. В.

Западня / А. В. Малышева — «АСТ», 2005

Денег не хватает всем. Даже призракам, обитающим на сцене самодеятельного театра для подростков. Мистическая японская пьеса начала века обернулась кровавым абсурдом в нашей жизни: сестра убитой девушки согласилась стать приманкой для ее убийц, журналист исполнил роль сыщика, а скромный комендант общежития – талантливый режиссер-постановщик. А что же зритель? Ему досталась главная роль – беседа с собственной совестью. А денег на всех все равно не хватит никогда...

© Малышева А. В., 2005

© АСТ, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анна Витальевна Малышева

Западня

Глава 1

Утром рябил медленный дождь, но после полудня вышло солнце, и асфальтовые дорожки сразу просохли. На них уже появились молодые мамы с колясками, промчалась на роликах стайка ярко одетых девчонок – явно прогуливают последние уроки в школе. А к вечеру в Измайловском парке будет не протолкнуться. Если, конечно, не испортится капризная майская погода.

Он шел своим обычным маршрутом. От станции метро «Измайловская», через сырую рощицу – любимое прибежище алкоголиков, и дальше – по широким асфальтовым дорожкам, через луг, мимо первого пруда, второго, третьего... Третий пруд он обычно обходил по песчаному берегу и той же дорогой возвращался. Волейбольная площадка, сломанные турники, следы от многочисленных костров на берегу озера – все это было ему так знакомо, что он перестал замечать дорогу. На обратном пути он обычно останавливался на мостике через ручей и выкуривал сигарету. Это тоже было настолько привычно, что он все делал машинально. Потом затапывал в пыли окурки, крошил в воду большой кусок булки и смотрел, как там суетятся утки. Потом шел домой.

И в этот раз он тоже остановился на мосту. Полез в карман за сигаретами и вытащил пустую пачку. Чертыхнулся, достал пакетик с хлебом и заглянул под мост в поисках уток. Их тоже не было – сегодня все почему-то шло наперекосяк. Зато Михаил увидел в воде наполовину затонувший велосипед.

Потом его спрашивали – почему он сразу опознал машину? Он что-то придумывал. Называл какие-то приметы – цвет, модель, игрушку, прикрученную к рулю... На самом же деле он ничего этого с моста не разглядел. Но почему-то сразу подумал о той девушке и, как оказалось, не ошибся.

Михаил часто встречал ее во время своих прогулок, особенно если выходил попозже, после шести вечера. Она почему-то никогда не ехала ему навстречу, всегда только обгоняла. Сперва за его спиной нарастал сухой шелестящий звук, потом трещал звонок. Он невольно оборачивался и видел ее – белокурую, растрепанную, на блестящем красном велосипеде. Она медленно проезжала мимо, будто давала ему возможность полюбоваться своими голыми коленками, узкими бедрами, обтянутыми велосипедными шортами. Один белый носок почему-то всегда был спущен на кроссовку. На тонкой бледной руке, почти у самого локтя – широкий браслет из цветного бисера. На шее – аляповатое бисерное кольцо. Улыбка – если она улыбалась – какая-то напряженная. Какого цвета у нее глаза – он не знал, никогда не успевал заметить, не разглядел даже в тот раз, когда они разговорились. На вид ей было лет восемнадцать, впрочем, могло быть и меньше, и намного больше – он ведь ничего, совсем ничего о ней не знал.

Он сунул хлеб в карман и спустился под мост. Чтобы вытащить велосипед, потребовалось немало усилий – машина упорно цеплялась за подводную корягу. В конце концов Михаил весь вымок и перемазался, но все-таки одолел машину. Тогда-то он и разглядел игрушку на руле – розовый поросенок в красной кепке. Но он и без того был уверен, чей это велосипед.

На берегу уже собрались зрители – пара мальчишек, мужчина со спаниелем на цепочке. Спаниель рвался в воду, явно желая помочь, но его не пускали. Михаил понимал, что выглядит нелепо – штаны промокли почти доверху, на ботинки смотреть страшно... Да еще эта глупая игрушка на руле – поросенок в кепке. Любой сообразит, что велосипед – не его, ведь модель

дамская. А тут еще эта игрушка... Мужчины после тридцати холодно относятся к таким поросятам.

Зрители явно ждали объяснений. Особенно мальчишки – те смотрели на него очень подозрительно. Ему стало жарко: «Можно подумать, что я украл велик...» Он уже страшно жалел, что ввязался в это дело. Но бросить велосипед на берегу? Немедленно украдут. Вот эти мальчишки и украдут. Они явно завидуют ему.

Сопровождаемый яростным лаем спаниеля, Михаил выкатил велосипед на дорожку. Оглянувшись по сторонам, будто ожидал увидеть его хозяйку. Руль вилял в его руках, он никак не мог справиться с машиной. Просто какой-то кошмарный сон – на черта он полез за велосипедом! Если бросить на виду – украдут, а он будет виноват. «Но эта дурочка могла и получше спрятать свое сокровище», – почти зло подумал он. Покрепче перехватил руль, случайно придавил пальцем резинового поросенка. Оказалось, что у игрушки внизу дырочка – оттуда брызнула вода. Напоследок поросенок жалобно пискнул.

И тут он почему-то очень ясно понял, что девушка не прятала под мостом свой велосипед. Во всяком случае, не бросала в ручей ухоженную и явно любимую машину марки «Пантера». Не говоря уже о поросенке. Велосипед не прятали под мост – его просто выбросили с глаз подальше. И это сделала не хозяйка, а кто-то другой.

Самым простым и разумным было догадаться на месте наряда конной милиции, вручить им велик и все рассказать. Но Михаил знал, что милиция появляется в парке ближе к вечеру. Дневное время, наверное, считалось менее криминальным. Значит, он должен сидеть здесь еще часа три как минимум. Конечно, у него будет время обсохнуть. Но как он выдержит без сигарет? Михаил усмехнулся – до него дошло, что сигареты бы обязательно промокли в кармане брюк – туда тоже просочилась вода. А значит, он может радоваться, что пачка оказалась пустой. Он вывернул карманы и выбросил в кусты размокший хлеб, какие-то старые бумажки, отряхнул брюки... И покатил велосипед к выходу из парка. Машина то и дело норовила лягнуть его – то колесом, то педалью, будто отбивалась от чужака. Самым комичным в этой истории было то, что он совершенно не умел ездить на велосипеде. В детстве его больше интересовали шахматы, а потом... Потом он решил, что поздно учиться кататься. Да и не очень-то хотелось, если честно.

Он шел, внимательно вглядываясь в лица гуляющих. Народу в парке становилось все больше, но той белокурой девушки нигде не было видно. Михаил оглянулся и заметил, что мальчишки, которых он видел у ручья, идут за ним. «Явно ждут, что велик мне надоест, я его брошу, и тогда...» Он поудобнее перехватил руль и вздохнул. «Ну, ничего, до первого милиционера как-нибудь дотащусь...»

Однако его остановили куда раньше – еще до выхода из парка. Ему наперерез бросилась бледная женщина в джинсовом костюме и неожиданно грубо схватила за мокрый рукав. Он замер, и тут же к велосипеду прицепилась девчонка лет четырнадцати. Михаил растерялся, но не настолько, чтобы не заметить – девчонка очень похожа на хозяйку велосипеда. Только лицо круглее и попроще, губы не накрашены, и светлые волосы пострижены по-другому. Девчонка и заговорила первой – женщина только хватала губами воздух, явно лишившись дара речи.

– Где Оля? – крикнула девчонка и рванула велосипед к себе. Педаль больно ударила его по голени, по самой кости. Он выпустил руль, и машина с грохотом упала на асфальт. Теперь на них начинали оглядываться прохожие.

– Не знаю, – ответил он. Ответ был не самый удачный, зато честный.

Тут вступила женщина. Она все еще держала его за рукав, но, как ему показалось, уже не так агрессивно.

– Милена, помолчи, – сказала она, обращаясь к дочери. Это были мать и дочь – теперь он ясно это видел. – Послушайте, где вы взяли велосипед? Это велосипед моей дочери! Милена, я кому сказала – не лезь!

Девчонка все время пыталась вмешаться в разговор, но теперь замолчала. Михаил все подробно рассказал. Махнул рукой в сторону речки, объясняя, где нашел велосипед, и увидел, что женщина закусила нижнюю губу. Глаза у нее были измученные, под ними пролегли серые тени.

– Так вы с ней не знакомы? – спросила она уже без всякой агрессии в голосе. Михаил подтвердил. И добавил, что только однажды перекинулся с ее дочерью парой слов, но они относились к велосипеду, больше ни к чему. Он даже имени ее не знал.

– Боже мой, – тихо и уже без всякого выражения сказала женщина. – Что же мне теперь делать?

Милена смотрела на него с ненавистью. Как видно, она продолжала его в чем-то подозревать.

– Мам, ты только его не отпускай, – процедила она. – Может, он все врет.

Мать одернула ее:

– Как ты разговариваешь со взрослыми?! Помолчи! Боже, до меня все еще не доходит... Где же она, в конце концов?!

Из ее сбивчивых объяснений Михаил понял, что Ольга – ее старшая дочь – уже несколько дней не появляется дома. Она сказала, что будет жить у подружки, но координат не дала... Собрала маленький рюкзачок, уехала на велосипеде, и вот они видят чужого человека с этой машиной, а Ольги нет. Женщина вдруг расплакалась. Михаил окончательно растерялся. Наверное, надо было извиниться, уйти, не вмешиваться. Ведь он давно дал себе зарок – не можешь помочь – отойди в сторону, сделаешь только хуже. Но женщина плакала на виду у любопытствующих прохожих. Мокрый велосипед лежал на дорожке. А Милена смотрела на него так злобно, что он понимал – без скандала ему уйти не удастся. И он поднял велосипед.

– Давайте поищем патрульную машину, – сказал он как можно спокойнее. – Они всегда стоят возле метро.

И первым пошел вперед.

* * *

Он оказался прав – неподалеку от станции метро они заметили милицейскую машину. Михаил остановился, не доходя до нее нескольких шагов. Ему очень не хотелось вмешиваться, но отступить было поздно. Велосипед по-прежнему был на его попечении. А сам он, как видно, оказался на попечении Милены – девочка не отходила от него ни на секунду, пока ее мать объяснялась с патрульными. У Михаила было чувство, что его уже взяли под арест.

– Что я тебе сделал? – тихо спросил он у девочки. Ответ окончательно выбил у него почву из-под ног. Не поворачивая головы, даже не взглянув в его сторону, этот подросток отчеканил:

– Все вы, мужики, сволочи.

Михаил охнул и машинально полез в карман за сигаретами. Вспомнил, что они кончились. Он все больше раздражался – на себя, на Милену, на этот чертов велосипед... Наконец, женщина вернулась к ним. Она уже не плакала, лицо у нее было застывшее.

– Еще не прошло трех дней с тех пор, как она пропала, – тихо сказала женщина, ни на кого не глядя. – Позавчера она еще звонила домой, а вот вчера и сегодня – нет... Они даже не слушали меня как следует. Спросили, сколько ей лет. Девятнадцать? Сказала, что поживет у подружки? И ухмыляются. Я рассказала им про велосипед, а они говорят – что вы переживаете, ведь он нашелся?

Тут она как будто вспомнила о Михаиле и подняла глаза:

– Спасибо, что проводили. Милена, садись и поезжай домой.

Девочка вытерла отсыревшее седло ладонью и косо посмотрела на мать:

– А ты?

– Пойду пешком. Никуда не сворачивай, езжай прямо домой.

Милена ловко вскочила в седло, поймала ногой ускользящую педаль, что-то скрипнуло, брякнуло, откуда-то полилась вода... И все же машина поехала. Через минуту девочка исчезла за углом. Женщина повернулась к Михаилу:

– Вы не могли бы оставить свой телефон? На всякий случай. Вдруг нужно будет в милиции...

Он достал из куртки бумажник, порылся во всех отделениях и наконец выудил визитную карточку. Женщина взяла ее и, не читая, сунула в сумочку. Это его немного уязвило – неужели ее не интересует даже его имя? Впрочем, она и сама не представилась. Щелкнула замком сумки, неожиданно сухо попрощалась и пошла прочь, в ту сторону, куда уехала Милена. А Михаил в который раз порадовался, что живет рядом с метро, сразу за продуктовой ярмаркой. Да, грязно, да, шумно, да, половина квартир в доме заселена торговцами с Кавказа... Зато не придется демонстрировать всему Измайлово свои мокрые штаны и облепленные глиной ботинки. И он свернул во двор под пристальным взглядом патрульного милиционера.

Дома он переоделся, прослушал сообщения на автоответчике. Звонила бывшая жена – напоминала о просроченных алиментах. Он не успел их уплатить до майских праздников, а потом не работала сберкасса. Встретаться с ним для передачи денег лично жена отказывалась, предпочитала почтовые переводы. Почему? Он считал, что она так поступает из принципа. Выражает тем самым свое безразличие к нему, отсутствие всяких чувств. Ну и конечно, из-за дочери. «Ты ее не увидишь!» – сказала она после судебного заседания. И он уже три месяца не видел Дашу.

Где-то рядом звякнул велосипедный звонок, и Михаил вздрогнул. Звук донесся из открытого окна. Он выглянул и увидел мальчишку, удалявшегося в сторону рынка на побитом старом велосипеде, и сразу вспомнил ту белокурую девушку на красной «Пантере». «Вернется, никуда не денется», – неуверенно сказал он себе. Ему было тридцать два года, в дочери она ему никак не годилась, и все же он поймал себя на том, что почти по-отечески волнуется за нее. Может, потому, что Даша как раз незадолго до развода увлеклась бисероплетением и обвешалась самодельными украшениями. Бисерное кольцо у нее было еще поярче, чем у Ольги. Даше было одиннадцать лет, девочка всегда казалась ему слишком простодушной и доверчивой... Ведь она тоже могла куда-то пропасть... Впрочем, для него она уже пропала. Наверное, надолго. Не дай бог, навсегда...

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он сел за компьютер и начал править статью. Последнее время он работал в газете, которая бесплатно распространялась в этом округе Москвы. До этого Михаил находился в вольном полете, и его социологические статьи появлялись во многих изданиях. Но после августовского кризиса большинство журналов и газет перестало сотрудничать с внештатниками, чтобы не лишать заработка своих штатных авторов. Тогда и ему пришлось где-то осесть. Зарплата у него была небольшая, но и потребности невысокие. Квартиру после развода делить не пришлось. Машины у него не было, а значит, не было и связанных с ней расходов. К одежде и дорогостоящим развлечениям он всегда относился равнодушно. Почти не пил. Курил умеренно. И поскольку другой женщины в его жизни пока не было, Михаилу даже на цветы тратить не приходилось...

Он целиком ушел в работу и не замечал, как идет время. Опомнился, только когда экран компьютера стал слепить глаза – он отрегулировал яркость еще при солнечном освещении, а теперь в комнате стало темновато. Михаил выключил компьютер, встал, потянулся и отправился на кухню к холодильнику. Ну, конечно! Пусто. Он-то собирался зайти на ярмарку после прогулки, а из-за чертова велосипеда все забыл. И сигарет – ни одной штучки.

К вечеру похолодало. Он накинул плащ, сунул в карман деньги и отправился в магазин. Теперь он невольно обращал внимание на всех велосипедистов, которые попадались ему на пути. И даже просто на велосипеды. Наверное, потому он так быстро заметил Милену.

Девочка стояла на улице, напротив его дома, у обувной мастерской. Красная «Пантера» лежала на вытоптанном газоне, у ног хозяйки. Михаил замедлил шаг, и девочка съежилась, будто это могло сделать ее незаметной. Но прятаться было поздно.

– Ты что – следишь за мной? – спросил он, подходя поближе. Она ничего не ответила, но по ее загнанному взгляду он понял, что прав.

– Ну, что, нашлась твоя сестра? – поинтересовался Михаил.

– Нет, и вы сами это знаете! – С этими словами Милена наклонилась и принялась поднимать с земли велосипед. Мужчина остолбенел:

– Как это – сам знаю? В чем ты меня подозреваешь, в конце концов?! Я даже не был с ней знаком!

Милена исподлобья взглянула на него, сдунула упавшие на глаза волосы и уселась в седло. Велосипед был ей немного великоват. Она, вероятно, так бы и уехала, если бы Михаил не удержал руль:

– Ты что – думаешь, будто я где-то прячу твою сестрицу?

– Отстаньте, – пробормотала девочка. На него она больше не смотрела, но особого испуга тоже не проявляла.

– Нет, это ты от меня отстань! – потребовал Михаил. – И в конце концов, как ты нашла мой дом?

– По карточке, – бросила та. – Мне мама показала вашу карточку, а я запомнила адрес. Мама считает, что вы ни при чем, а я думаю, что вы врете.

Он с трудом перевел дух.

– Хочешь убедиться, что я не прячу твою сестру? – спросил он. – Пойдем, осмотришь квартиру.

Милена ехидно улыбнулась:

– Ну да, сейчас! Вы меня за дурочку принимаете?

– В таком случае, чего тебе надо?! – уже всерьез рассердился он. Михаил никак не мог уговорить себя, что перед ним всего-навсего подросток, что нужно быть снисходительней к этим глупостям... Милена держалась слишком независимо и уж никак не была похожа на запуганного ребенка. Он отвернулся от нее и пошел к магазину. Сделал покупки, уложил их в пакет, вышел на улицу...

Милена стояла со своим велосипедом неподалеку от запертого газетного киоска. И снова не собиралась прятаться. Михаил покрутил пальцем у виска, но девочка и бровью не повела, только поставила ногу на педаль, готовясь двинуться за ним. «Ненормальная, – раздраженно думал он по пути домой, стараясь держаться подальше от тротуара. – Такая ведь и переехать может своим чертовым велосипедом. Мне синяков наставит и сама покалечится. Надо позвонить ее матери, сказать, чтобы присматривала за дочкой... А, черт, телефона ведь у меня нет!»

Он оглянулся. Милена упорно ехала за ним на самой малой скорости. Она ничуть не смущалась тем, что Михаил ее видит. Девочка вела себя так, будто он пустое место. «Ну и пиявка!» – подумал он, быстрее обычного заходя в свой двор. Это преследование мало-помалу доводило его до белого каления. «Чего она хочет добиться? Неужели думает, что Ольга живет у меня?» Михаил мстительно хлопнул тяжелой дверью подъезда. На железной двери стояли кодовый замок и домофон, и уж номер кода Милена на визитной карточке прочитать не могла. Но девочка и не собиралась продолжать преследование в подъезде. Когда Михаил выглянул с балкона на улицу, он увидел ее на прежнем месте – у обувной мастерской. Ее майка ярко белела в сумерках, на плечи она набросила голубой свитер, прежде нелепо завязанный вокруг бедер. Велосипеда Михаил не различил, но, наверное, машина опять валялась где-то в кустах. Он начал беспокоиться – не за себя, разумеется, а за эту дурочку. «Время позднее, а она шляется одна... Ну а вдруг и эта пропадет?! Тогда уж точно притянут меня – нас сегодня вечером могли видеть вместе».

Он стоял на балконе и курил, вглядываясь в сумерки тихой улицы. После закрытия рынка окрестности будто вымирали. Из парка доносилась залихватская гармошка – там вечерами собирались на гулянья пенсионеры. Откуда-то, вероятно тоже из парка, тянуло дымом костра, и вообще, ощущения были самые деревенские. Михаил поставил чайник, налил себе чаю, вышел с чашкой на балкон. Милена была на месте – белое пятно ее майки по-прежнему выделялось на другой стороне улицы. «Неужели она есть не хочет?» – удивился он и махнул девочке рукой:

– Смена караула! Езжай домой, я сам за собой прослежу!

Он вовсе не ожидал, что она его послушается. Но Милена тут же подняла с земли велосипед и двинулась прочь. Он было вздохнул с облегчением, но через несколько минут услышал в прихожей сигнал домофона. Сняв трубку, он узнал голос девочки.

– Впустите меня, – отрывисто сказала она.

Секунду поколебавшись, он нажал кнопку и приоткрыл дверь квартиры. Михаил слышал, как она взбирается на его второй этаж с велосипедом, и даже подумал, что мог бы выйти помочь... Но не стал этого делать. Очень уж вредная была девчонка.

Милена вкатила велосипед в прихожую и прислонила его к стене. Михаил не решался запереть дверь. Что у нее на уме, у этой решительной девицы? Одно он знает точно – Милена его, мягко говоря, недолюбливает. Зачем же она добровольно явилась в гости? Ведь на этот раз он ее не звал.

Девочка сама ответила на этот вопрос. Настороженно оглядевшись по сторонам, она попросила разрешения осмотреть квартиру. Он только плечами пожал:

– Как знаешь. Ты ведь к этому рвалась?

Милена дернула плечом и поочередно заглянула в обе комнаты, обследовала даже ванную с туалетом, сунула нос на кухню... Михаил не следил за ней. Он искал свою записную книжку и, найдя, потребовал:

– Дай телефон своей матери. Я позвоню ей и скажу, что ты у меня.

Милена, стоявшая на пороге кухни, повернулась к нему всем корпусом, как боксер, готовый встретить удар:

– Не ваше дело ей звонить!

– Ты понимаешь, что уже начало одиннадцатого? – как можно спокойней спросил Михаил. «Только не кричи на нее, – уговаривал он себя. – Ей так хочется тебя разозлить!»

– Мне можно гулять до одиннадцати, – отрезала Милена.

– Сомневаюсь. Сколько тебе лет?

Этот вопрос остался незамеченным. Милена вошла на кухню, и ему пришлось последовать за ней. Эта девчонка злила и смешила его одновременно. Ему хотелось дать ей подзатыльник и выставить вон. И в то же время забавно было наблюдать, как она хорохорится перед ним, изображая отважную десантницу в тылу врага. И при этом боится его. Иначе почему Милена так упорно отводит глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом?

Ее внимание привлекла балконная дверь. Она выглянула наружу и, поколебавшись, вышла на балкон. Михаил взял сигареты и вышел следом за девочкой.

– Теперь убедилась, что я не прячу твою Ольгу под кроватью? – спросил он, чиркая зажигалкой.

Она опять не ответила. Наверное, у нее была дурная привычка – кое-что пропускать мимо ушей. Милена оглядела балкон и наконец произнесла:

– Ничего себе... А у нас знаете какой балкон?! Наверное, в пять раз меньше!

«Ну вот и заговорила как человек, – вздохнул он про себя. – Так я и знал, что здесь она сломается». Балкон действительно был самым примечательным местом в его квартире. Этот дом, где родители Михаила когда-то получили квартиру, был выстроен почти вплотную к соседнему, более старому зданию. Почти – но все-таки не совсем. Между домами остался промежуток метра три с лишним. Торцевая сторона соседнего дома была глухая, без окон. В

новом доме на торец выходили кухонные окна. Балконов сперва вообще не предполагалось, да их и не было нигде, кроме трех квартир – на втором этаже у Михаила, а также на третьем и четвертом этажах. Эти балконы представляли собой широкие бетонные мосты с перилами, перекинутые от одной стены к другой. При желании здесь можно было танцевать, что иногда и делалось на зависть остальным жителям дома, которые вообще балконов не имели.

– Прямо как у Кая и Герды, – неожиданно сказала Милена, бросив взгляд на длинные ящики с землей и сухими стеблями. – Даже розы имелись.

– Представь, что в детстве я и воображал себя Каем, – подхватил разговор Михаил. – Только вот играл здесь в одиночестве, без Герды. На этот балкон выходит только одна дверь. Зато слышала бы ты, как здесь воет ветер, особенно зимой! Будто в трубу дудит! В самом деле, поверишь, что сейчас явится Снежная Королева и выбьет стекло в окне!

– А кто живет за стеной? – поинтересовалась Милена, подходя к стене другого дома и кладя на нее ладонь.

– Кажется, там коммуналка. – Михаил решил, что пора ковать железо, пока горячо. – Милена, прошу тебя, дай телефон твоей мамы. Половина одиннадцатого. Кончится тем, что мне придется тебя провожать, а у меня статья не доделана.

– Вы правда журналист? – перебила Милена. Она и в самом деле умела слышать только то, что ее интересовало. Остального просто не замечала. Встретив его усталый взгляд, девочка вдруг заговорила мягко и вежливо – оказывается, ее и этому научили. Милена попросила за нее не беспокоиться. Она прекрасно доберется до дома, тем более что живет рядом. К удивлению Михаила, она даже извинилась, что следила за ним.

– Я теперь вижу, что ее у вас нет и не было. Но я хотела проверить... – Милена вздохнула и тихо добавила: – Мама места себе не находит, сидит на кухне и плачет. Папа тоже волнуется, но ничего не говорит. Знаете, у нас сегодня не так уж весело. Вот я и решила вернуться попозже.

– Чтобы родители совсем с ума сошли, – подхватил Михаил. – Ну вот что, собирайся. Я тебя провожу до дома.

Она повернулась к нему спиной, как будто заметила на глухой стене что-то, заслуживающее внимания. Михаил увидел, как ее плечи вздрогнули. Один раз, другой... Нет, это не от вечерней прохлады. Он подошел, тронул ее за плечо, и она повернула к нему искаженное, мокрое от слез лицо.

– Ну что ты, – беспомощно сказал он. – Вернется твоя сестра. Вот увидишь – вернется.

– Хоть бы она никогда не вернулась! – неожиданно выкрикнула девочка и сбросила его руку со своего плеча. – Ей наплевать на нас, ей всегда было на всех плевать!

Он увел ее на кухню, налил чаю, в который раз потребовал телефон родителей. Милена сообщила ему номер. К чаю она не притронулась. Сидела, спрятав лицо в ладонях, и время от времени коротко всхлипывала. Михаил набрал номер и услышал тревожный женский голос. Он напомнил женщине о себе, сообщил, что Милена сидит у него, и попросил забрать девочку. Он ожидал расспросов, упреков – чего угодно. В этот миг он пытался представить, как бы отреагировала его бывшая жена, если бы ей позвонил малознакомый мужчина и сказал, что Даша находится в его холостяцкой квартире.

– Да-да, мы сейчас заберем ее, – торопливо и как-то затравленно ответила женщина. – Извините, ради бога. Я просто не знаю, что с ней делать... Не надо было показывать ей вашу визитку. Я подозревала, что она неспроста вами интересовалась.

Когда Михаил вернулся на кухню, Милена уже не плакала. Она умылась и теперь тщательно вытирала лицо носовым платком. Враждебный взгляд исчез, будто она выплакала его вместе со слезами. Она взглянула на Михаила и сделала попытку улыбнуться:

– Вот мне теперь влетит! Я так не хотела, чтобы мама узнала, где я была. Хотя мама-то ладно. Вот отец...

– Я могу сказать, что случайно встретил тебя и сам пригласил, – предложил Михаил. Милена изумленно подняла свои золотистые широкие брови:

– Тогда влетит вам! Лучше уж не надо.

Она предложила спуститься к подъезду и дожидаться ее родителей там. «Нечего им сюда заходить, раз вы ни при чем», – заявила девочка. Михаил помог ей спустить по лестнице велосипед и обратил внимание, что с его руля исчезла игрушка – поросенок в кепке. Милена как будто прочла его мысли:

– Это я сняла.

– Зачем?

– По-моему, весьма пошлое украшение, – ошеломила его девочка.

Михаил был вполне с ней согласен, и все же... Его удивляло, что эта девочка, которой никак не может быть больше четырнадцати лет, кажется такой взрослой, умудренной и даже разочарованной жизнью. Это было как-то нелепо. И он снова вспомнил ее сестру – как она улыбалась, как ветер отбрасывал в сторону ее белокурые волосы, как блестел на руке бисерный браслет. Видение было настолько ярким и реальным, что ему стало не по себе. Неужели с ней и впрямь что-то случилось?

– Это было бы ужасно, – вслух произнес Михаил. Эта привычка проговаривать свои мысли появилась у него в последнее время, когда он стал жить один. Ведь собеседников у него дома больше не было, а поговорить все-таки хотелось.

– Что ужасно? – спросила Милена, натягивая свитер. Они стояли у подъезда, под фонарем, и на них со всех сторон нападали комары. С противоположной стороны во двор медленно въезжала белая машина. Милена застыла, вглядываясь в сумерки, и повернулась к Михаилу:

– Это мои.

Ее отец – крупный мужчина в спортивном костюме – сразу взялся укладывать велосипед на крышу машины, в багажник. Он не представился, и Михаил даже не разглядел его толком. Зато мать Милены еще раз извинилась перед ним.

– Если в милиции понадобится ваше участие, мы можем на вас рассчитывать? Мы тут посчитали, что можем подать в розыск только послезавтра, – сказала она. И, покусав губу, добавила: – Если, конечно, она сама не вернется.

Михаил сказал, что нужно надеяться на лучшее. Что девушка, скорее всего, загостилась у подруги. Что в девятнадцать лет можно и забыть о том, что родители волнуются... Он говорил это и сам себе не верил. Женщина нервно обняла Милену за плечи:

– Иди в машину.

А когда девочка отошла, тихо сказала, что ей очень трудно надеяться на лучшее. Что еще ни разу не бывало, чтобы Ольга где-то задержалась. Что она всегда ночевала дома. На дискотеки не ходила, парнями не интересовалась. В прошлом году она закончила школу, в институт поступить не смогла и теперь усиленно готовилась ко второй попытке, сидела над книгами. Единственное, что ее увлекало, – это самодеятельный театр. Когда Ольга начала там заниматься, она просто преобразилась. Стала такой подтянутой, серьезной, пунктуальной. Других увлечений у нее не было. Если не считать велосипеда...

– Если бы вы знали, как она любила этот проклятый велосипед! Вы бы не говорили, что с ней ничего не случилось! Она бы ни за что его не бросила!

– Но велосипед могли просто украсть, – возразил Михаил. – Мальчишки взяли, накатались и выбросили от греха подальше. Может, ваша дочь потому и не звонит, что боится – вы ее будете ругать за пропажу...

Женщина слабо отмахнулась от его утешений. Сказала, что им пора ехать, Милена наверняка умирает с голоду. Напоследок она представилась. Сообщила, что ее зовут Алла. Алла Владимировна Бог.

– Бог, на конце – «гэ», – повторила она. – Еще раз извините.

Женщина уселась на заднее сиденье, рядом с дочерью, и хлопнула дверцей. Машина тронулась с места, бледный свет фар пересек двор, на миг ослепил Михаила и пропал за углом.

Он еще немного постоял у подъезда, докурил сигарету. Ему не хотелось подниматься наверх, в свою пустую квартиру. Сегодня вечером он почему-то особенно остро ощущал эту пустоту. Может, потому, что там побывала Милена. Нет, она была совершенно непохожа на его дочь. И все-таки... Ведь она сама припомнила сказку Андерсена о Снежной Королеве, увидев его необычный балкон. А сколько раз он читал эту сказку Дашке! Летом она целыми днями сидела на балконе, копалась в ящиках с цветами, пропалывала их, пересаживала, поливала, подвязывала стебли чайных роз. Воображала себя Гердой. Что-то шептала себе под нос. Вспоминать об этом было просто мучительно. Он заставил себя думать о чем-то другом и вдруг во всех деталях припомнил одну свою встречу с Ольгой. Ту самую, когда они вдруг разговорились.

Инициатором была она. Михаилу и в голову бы не пришло навязываться с разговорами к случайно встреченной девушке. В тот вечер он, как обычно, шел своим маршрутом и остановился на мостике выкурить сигарету и покормить уток. Внезапно у него за спиной брякнул велосипедный звонок и послышался хруст камушков под колесом. Он обернулся и увидел ее.

Девушка стояла у него за спиной – одна нога на земле, другая на педали, руки сжимают руль, лицо покраснелось. В тот день, в самом начале мая, было почти жарко. Девушка, слегка задыхаясь, попросила его посмотреть ей цепь.

– Кажется, ослабла, а я не умею подтягивать, – мило улыбаясь, сказала она. – А ключ у меня есть.

Михаил признался, что ничего не понимает в этих цепях и вообще в велосипедах. Она, казалось, была немного разочарована, но все же не сдавалась:

– Но посмотреть-то можно?

Деваться было некуда, и он осмотрел цепь. Вместе с цепью пришлось осматривать также ее ноги – она и не подумала слезть с велосипеда. У него мелькнула мысль, что девушка с ним заигрывает, но он в это не поверил. Конечно, он не урод. Но и не во вкусе старшеклассниц, а эта наверняка еще ходит в школу.

Ноги у нее были стройные, гладкие, молочно-белые. Один носок спустился на теннисную туфлю. Пониже колена розовела припухшая царапина, и Михаил почему-то не сразу смог отвести от нее взгляд. Он выпрямился и почувствовал, что к щекам приливает кровь. Девушка улыбалась, глядя ему в лицо. Может быть, если бы не эта улыбка, он бы решил продолжить знакомство. А улыбка ему почему-то не понравилась. Она была очень искусственная, и вот что странно – за этой улыбкой он почувствовал страх. Ее темные, довольно близко посаженные глаза смотрели напряженно. Уж они точно не улыбались.

– Извините, я в этом не разбираюсь, – неожиданно сухо сказал он.

Девушка склонила голову. Несколько раз тренькнула звонком, прислушалась к этому звуку.

– Вы не дадите сигарету? – спросила она, уже не глядя на Михаила. Он протянул ей пачку. Она вытащила две штучки, заложила их за ухо, вежливо поблагодарила и неторопливо поехала прочь. Михаил смотрел ей вслед, и насколько он видел – велосипед шел нормально, ничуть не хуже, чем всегда. Теперь он был уверен, что цепь была в полном порядке, девушка просто искала предлог для знакомства.

«Ну, если она любительница таких развлечений, то действительно могла попасть в нехорошую историю, – подумал он, отпирая дверь подъезда и поднимаясь по лестнице. – Все-таки удивительно – насколько родители ничего не знают о своих детях! Ее мать уверена, что дочка не интересовалась парнями. А дочка использовала велосипедные прогулки для случайных знакомств».

Он оборвал себя, заметив, что нечего клеветать на девушку, о которой ничего не знает. Может, это был единичный случай. Может, у нее в самом деле возникли неполадки с цепью.

Но эту искусственную улыбку, которой одарила его Ольга, он забыть не мог. Ведь он к ней не приставал, день был ясный, солнечный, вокруг – толпы народу. Так чего же она боялась?

Глава 2

На другой день с утра у него было назначено интервью. Потом он заехал в редакцию и провел несколько часов, читая корректуру своей большой статьи о службе спасения. У одной из редакторш был день рождения, его угостили конфетами, позвали пить водку. Михаил редко просиживал в редакции до конца рабочего дня, чаще работал дома или разъезжал по заданиям. Но сегодня он просидел там до пяти часов. Погода резко менялась, в окна с силой бил северный ветер, на улице резко темнело – надвигалась гроза. У него разболелась голова, и он отправился домой. Пока он добирался до дому, у него была одна мечта – принять горячую ванну и завалиться спать. Этой ночью он спал мало – ему никак не удавалось отключиться от впечатлений дня. Но когда Михаил вошел в квартиру и прослушал сообщения на автоответчике, сонливость как рукой сняло. Сообщение было только одно, и это звонила Милена. Девочка с запинкой объяснила, что сестра все еще не вернулась, зато у нее появилась мысль, где ее можно поискать. Она не хочет впутывать в это родителей, но без посторонней помощи вряд ли справится. Может, Михаил согласится помочь? Если да – она ждет его в шесть часов перед входом в кинотеатр... Этот кинотеатр Михаил хорошо знал. Здание находилось на Измайловском бульваре, в двадцати минутах ходьбы от его дома. Он взглянул на часы и понял, что к шести туда уже не успеть. Оставалось всего десять минут. «Хотя можно поймать машину», – подумал он и сам удивился. Зачем такая срочность? И почему он – взрослый, занятой человек, у которого страшно болит голова, должен мчаться в такую погоду на зов этой сумасбродной девчонки? «Ну, насчет сумасбродства ты брось, – сказал он себе и натянул кожаную куртку. – Этого в ней ни капли нет». Он взял зонт и отправился ловить машину.

К тому времени, как он оказался перед кинотеатром, уже вовсю лил дождь. Милена не обманула – она ждала его под козырьком у входа, нахохлившись от холода и спрятав кисти рук в растянутые рукава свитера. Велосипеда поблизости не было.

– Как хорошо, что вы пришли. – Она толкнула стеклянную дверь и поманила его за собой. – Я сейчас все вам расскажу.

Оказывается, именно в этом здании занималась самодеятельная театральная студия, которую посещала Ольга. Студия называлась «Жест», и три дня назад, пятнадцатого мая, у них был в этом здании первый спектакль. Все это Милена рассказывала, утащив Михаила в закуток между гардеробом и туалетом. В вестибюле было пусто – только старуха-вахтерша скучала вдали за большим желтым столом.

– А я тебе зачем понадобился? – поинтересовался Михаил.

Милена дунула в ладони, чтобы согреться, и пояснила – с ней никто разговаривать не будет, ее, может, и не пропустят туда. У Ольги был пропуск для посещения студии. А вот Михаил – журналист, его точно пропустят. А вместе с ним и ее. Он слушал и уже ничего не понимал.

– Ты думаешь, твоя сестра здесь? – переспросил он. – Зачем ты туда рвешься?

Милена раздраженно дернула плечом:

– Вы что – за дуру меня принимаете? – Она опять заговорила знакомым ему грубым голосом. – Конечно, ее здесь нет. А может, и не было.

И, увидев его растерянное лицо, уже спокойнее пояснила:

– Хотя вы же не знаете, как она пропала.

И она вкратце рассказала, как все произошло. Всю эту весну Ольга посещала репетиции, готовилась к спектаклю. Студия была только что создана, актеры были новичками, и Ольге, как самой талантливой, по ее собственным словам, досталась одна из главных ролей. Она уезжала из дома на своем велосипеде часов в шесть, возвращалась в девять вечера. Иногда репетиции происходили через день, иногда – реже, но обязательно пару раз в неделю. Четырнадцатого мая

должна была состояться генеральная репетиция. Ольга предупредила родителей, что прогон может затянуться до поздней ночи и она переночует у подруги, которая тоже занимается в этой студии и живет совсем рядом. Они согласились на это условие, впрочем, возражений Ольга не принимала.

– Уж если ей что-то западет в голову – конец, спорить бесполезно. А папа даже обрадовался, что не нужно за ней заезжать, – мрачно сказала Милена. – Я думаю, что она и велик брала для того, чтобы он не забирал ее после репетиций. Знаете, как он не любит грузить велосипед на машину?! Мне вчера за это досталось...

Поздней ночью, в сущности уже ночью пятнадцатого мая, Ольга позвонила и устало сообщила матери, что прогон прошел прекрасно. Она сказала, что завтра пойдет на спектакль прямо от подруги. Ей нужно сосредоточиться, а домашняя обстановка этому никак не способствует.

– Папа дает уроки немецкого на дому, – пояснила Милена. – К нам постоянно ходят какие-то ученики, а комнат у нас всего две.

Пятнадцатого вечером был еще один звонок. Ольга коротко сообщила, что спектакль прошел очень успешно. Что она сейчас ложится спать и вернется домой завтра. Затем повесила трубку. Больше от нее никаких известий не было.

– Неужели нельзя было позвонить этой подруге? – удивился Михаил.

– Она не дала ее телефона, – отрезала Милена. – Ни адреса, ни телефона. Только сказала, что подругу зовут Наташа. Родители даже названия этой студии не могли припомнить. Это я сама вспомнила, оно было напечатано на ее пропуске. Ольга мне его как-то показала.

– А почему твои родители не пошли на спектакль? – продолжал недоумевать Михаил. – Неужели неинтересно посмотреть на дочь в главной роли? Я бы уж как-нибудь нашел на это время...

И тут Милена поставила точку, заявив, что Ольга категорически запретила родителям являться в студию. Она выдвинула условие: если увидит их в зале – не выйдет на сцену.

– Вы пойдете со мной в зал или нет? – спросила Милена. – Как, по-вашему, должны мы их спросить, с кем она дружила?!

– Конечно. – Он взял ее ледяную руку и слегка пожал. – Не волнуйся так, ты начинаешь кричать.

Он показал свое удостоверение вахтерше, и та охотно его пропустила вместе с Миленой. Они вошли в небольшой зрительный зал. Низкая сцена, деревянные кресла. На передних рядах и на сцене было оживленно – там шумела и смеялась молодежь, мелькали цветастые театральные тряпки. Михаил посмотрел туда и увидел среди молодых людей диковинную фигуру – крохотную жирную женщину с очень заметным горбом на спине.

– Это их руководительница, – шепнула ему Милена. – Оля говорила, что она горбатая.

На них уже начинали посматривать – как видно, посторонние сюда не допускались. Наконец их заметила и руководительница. Она направилась к ним, и Михаил удивился, с каким достоинством шествовала по проходу эта крошечная женщина – суший гном из сказки. Однако, когда она подошла ближе, обнаружилось, что лицо у нее молодое, приятное, даже привлекательное. Голос у нее тоже оказался красивый – низкий, мягкий, немного хриловатый.

– Здесь идут занятия, – сказала женщина, переводя взгляд с Михаила на Милену. – Пожалуйста, покиньте зал.

Тут снова пригодилось его удостоверение. Женщина прочла название газеты и улыбнулась:

– Что же вы на премьеру не пришли? Сегодня у нас уже второй показ. Начало через час.

– Вот и хорошо, – подхватил Михаил. – Заодно познакомлюсь с актерами. Не возражаете, если мы поприствуем?

Та снова бросила косой взгляд на Милену – как видно, не понимала, при чем тут девочка. Однако согласилась.

– У меня сейчас нет времени, я дам вам интервью после спектакля, – сказала она. – Меня зовут Ирина.

Ни фамилии, ни отчества она не сообщила. Улыбнулась смущенной Милене и отправилась на сцену. Михаил сел в первом ряду, с краю. Он то и дело ловил на себе любопытствующие взгляды артистов. «А что, можно заодно и написать об этом театре, – подумалось ему. – Совмещу приятное с полезным. Интересно, что у них за пьеса такая? Что-то из восточной жизни, кажется...» Это он установил по костюмам. Костюмы были самодельные, бутафорию тоже явно набирали с бору по сосенке, но в общем колорит был то ли китайский, то ли японский.

К нему приблизилась Милена – она все это время крутилась среди артистов:

– Тут несколько Наташ, я уже разузнала. Только вот не знаю – какая нам нужна. Вы будете мне помогать или пришли посидеть?

Михаил и в самом деле охотно бы передохнул – головная боль так и не прошла. Но делать было нечего, и он взялся за работу. Прежде всего он попросил представить ему ведущих актеров. Они уже успели одеться и теперь гримировали друг друга. Он все больше убеждался, что на сцене будут действовать гейши и самураи – что-то в этом роде. Главных актеров оказалось пятеро – три девушки и двое парней. Все примерно одного возраста – от семнадцати до девятнадцати лет. Они приятно смутились, узнав, что с ними желает побеседовать журналист. Как видно, ребят еще не избаловали вниманием. Михаил заговорил с ними о спектакле и узнал, что Ирина, их руководительница, поставила японскую пьесу неизвестного автора начала двадцатого века. Пьеса называлась «Пионовый фонарь». Ему вручили программку, отпечатанную на цветном принтере.

– Эта пьеса о любви умершей девушки к живому юноше, – бойко рассказывала самая хорошенькая из трех актрис. – Я играю эту самую девушку, пока она еще жива. В первом действии.

– А я во втором действии играю гейшу, – перебила ее другая актриса. – Но, в сущности, я и есть эта девушка. Та давно умерла, а у меня ее лицо, и вот я хочу соблазнить юного самурая.

– А я играю призрак мертвой девушки, – еле дождалась своей очереди третья девушка, очень маленького роста, похожая на куколку в своих ярких одеждах и массивном черном парике. – У меня самая большая роль. Я-то и прихожу к этому несчастному юноше.

И она ткнула в спину парня с густо набеленным лицом. Тот поежился. Актеры наперебой рассказывали о своих ролях, а Михаил удивлялся. Странная идея пришла в голову этой маленькой горбунье! И добро бы, такая пьеса ставилась где-нибудь в центре города, в расчете на публику с утонченными вкусами... Но здесь, в Измайлово, в здании запущенного кинотеатра... Кто сюда придет? Разве что случайно? А случайному зрителю, больше привыкшему к популярной ныне мелодраме, трудно будет разобраться в классической японской пьесе.

Михаил выяснил у актеров их имена и записал их в книжку. Милена делала ему большие глаза, будто умоляла действовать. И он решился.

– Знаете, дочка моих знакомых тоже как будто занимается в вашей студии, – сказал он. – Знаете такую? Ее зовут Ольга, Ольга Бог.

– Нет-нет, Ольга Ватутина, – испуганно перебила его Милена. И тихо, себе под нос уточнила: – У нее другая фамилия, она от первого маминого брака.

Актрисы переглянулись. «Призрак» удивленно поднял подрисованные брови:

– Одна Ольга у нас есть, но фамилию я не знаю. Вон она!

На краю сцены поспешно гримировалась высокая худощавая брюнетка. Михаил покачал головой:

– Нет, мне нужна другая Ольга. Она блондинка, глаза у нее...

– Карие, – снова выручила его Милена. – Неужели не знаете?! Она играет одну из самых главных ролей!

Среди актеров возникло замешательство. Они переглядывались, слегка пожимали плечами. Двое извинились и отошли – им нужно было повторить роли. Девушка, которая играла гейшу, вежливо сообщила:

– Главные женские роли играем мы. Мы – трое. Я играю гейшу, Лена – О-Цую, Оксана – призрак... Да, есть еще одна большая роль, но служанку играет Наташа – она вон там сидит, видите? Причесывается... И еще у нас довольно большая массовка. Но второй Ольги больше нет. Есть только одна, та что на сцене. Она играет парикмахершу.

– И в спектакле пятнадцатого мая она тоже не играла? – глуповато уточнил Михаил. Он уже понял, что попал в неприятную ситуацию. Милена была красная, как помидор, и старалась не смотреть ему в глаза.

– Да нет же! – нетерпеливо воскликнула «гейша». – В программке указаны имена всех актеров. Вы почитайте, а нам нужно гримироваться.

Михаил пересел с первого ряда на третий. Милена робко примостилась рядом и заглянула в программку.

– На, посмотри, есть здесь твоя сестра? – грубовато спросил Михаил.

Она прочитала длинный список имен – всего около двадцати – и молча вернула программку.

– Нет? – уточнил он.

– Нет, – прошептала Милена.

– Что же это значит? Она вообще здесь не занималась?

– Я сама видела пропуск в этот театр, – сдавленно ответила девочка. – Не может быть, она была здесь! Ну, а горбунья? Ольга мне описала ее! Не могла же она такое придумать! А пьеса?! Она мне рассказала, что это что-то про любовь, японское. Нет, нет, она тут занималась!

Михаил наконец принял решение.

– Ну, вот что, – сказал он. – Иди и побеседуй со всеми здешними Наташами. Сама говоришь, так звали ее подругу. Может, и правда, была у нее такая подружка. Может, кто-то и вспомнит твою Ольгу. А вообще, мне это уже сильно не нравится. Получается, она твоим родителям все время врал.

Он пожалел о последних словах – Милена сжалась, будто упрек относился к ней, а не к сестре. Встала и отправилась общаться с актрисами. Михаил тем временем читал программку. Его заинтересовал текст на обороте, кратко излагающий содержание пьесы. Молодой самурай засыпает во время прогулки, во сне встречает дочь знатного безумного господина и влюбляется в нее. Однако сумасшедший вельможа на его глазах убивает девушку, и в этот момент самурай просыпается. Наяву он встречает гейшу с лицом погибшей девушки, а та из честолюбия дает своим друзьям слово соблазнить молодого самурая. Они встречаются по ночам, и девушка всякий раз приходит к нему с шелковым фонарем в руке. После каждой такой встречи юноша все больше чахнет, он уже близок к смерти. Выясняется, что его посещает вовсе не гейша, а дух из загробного мира. Чтобы выжить, ему нужно отказаться от любви мертвой девушки, но он предпочитает умереть в ее объятиях.

В самом конце программки излагалось предание, связанное с самой пьесой. Оказывается, в японском театральном мире она считалась проклятой, подобно «Макбету» в английском театре. Эта легенда возникла в 1919 году, когда молодые японские актеры, игравшие девушку и ее служанку, умерли от загадочной болезни через неделю после премьеры.

– Этого еще не хватало, – пробормотал он. – Ненавижу всякую чертовщину.

А ведь именно чертовщиной и следовало назвать то, во что он ввязался. Благовоспитанная девица из хорошей семьи, которая знакомится в парке с мужчинами. А родителям врет,

что играет главную роль в театре, где даже имени ее никто не знает. И куда она, черт возьми, пропала?

Вернулась Милена. За ней шла девушка, одна из немногих, кто еще не успел переодеться. Она была в джинсах и простой черной блузке.

– Это Наташа, она знает Ольгу, – сообщила Милена и уселась рядом с Михаилом. Наташа села в крайнее кресло и вздохнула:

– Да, мы с Олей сначала подружились...

– Сначала? – удивился Михаил. – А потом что же?

Наташа сообщила, что они с Ольгой пришли в театр вместе. Можно сказать – стояли у его истоков. Тогда даже репетиций еще не было. Они просто учились ходить и говорить на сцене. Пили чай – Ирина любила устраивать такие чаепития. Рассказывала ребятам о поэзии, о драматургии. Выясняла их вкусы и склонности.

– Она ведь очень образованная, – с уважением сообщила Наташа. – Она столько всего знает! И совсем одинокая, ну, понятно почему. У нее есть только театр, она всю душу в него вкладывает. Жаль, что вы не видели нашу премьеру! Потрясающе получилось! И народу было очень много!

То, что Наташа далее сообщила об Ольге, окончательно сразило Милену. Михаил видел, что девочка близка к истерике. Из слов актрисы выяснилось, что Ольга никакой роли не получила. Даже самой маленькой, не говоря уже о главной.

– А она хотела играть главную роль, – пояснила Наташа. – Только главную – больше никакой. В сущности, в этом спектакле у нас три актрисы на одну главную роль. Это Ирина так придумала, чтобы не было одной примадонны, чтобы девчонки меньше завидовали друг другу. То есть это мое мнение. А вообще-то, так просто легче учить текст. Сама-то роль большая... Одна актриса у нас играет аристократку – в самом первом действии. Другая – гейшу. А третья – призрак аристократки. Оля так хотела играть призрак! Такая трогательная роль – в конце зрители чуть не плачут, честное слово... Но ей предложили участвовать в массовке, и тогда она сказала, что вообще играть не будет. И не стала.

– Когда она отказалась? – напряженно спросила Милена.

– Где-то в начале апреля. Тогда как раз распределяли роли.

– А на репетиции она ходила?

Наташа призадумалась и в конце концов сообщила, что за прошедшие два месяца Оля появлялась здесь несколько раз. Садилась на задних рядах. Молча смотрела на то, как остальные репетируют. Никогда ни с кем не заговаривала по своей инициативе, и ее тоже никто не трогал. Постепенно она стала совсем чужой, некоторые даже забыли, что она в театре со дня его основания. Даже самой Наташе редко приходилось с ней общаться – ведь Оля, как правило, очень быстро уходила.

– Здесь все считали ее надменной, а может, так и было. – Наташа пожала плечами. – Мне тоже показалось, что она уж очень много о себе воображает.

– Все или ничего? – уточнил Михаил.

Девушка кивнула. Также она сообщила, что давно не видела Ольгу. Во всяком случае, ни на прогоне, ни на премьере ее точно не было. Она с возмущением опровергла, что Ольга у нее ночевала.

– Она у меня ни разу не бывала! – ответила она на вопрос Михаила. – И даже не знала моего адреса, только телефон. А живу я вовсе не рядом, а на «Щелковской». Извините, мне пора одеваться.

Все актеры мало-помалу исчезли из зала. Перед сценой пробежала Ирина, мелко пощелкивая каблукками. Она была взволнованна, ее миловидное лицо покраснело. Увидев Михаила, она приветственно махнула ему рукой:

– Скоро начнем!

В зал уже заходили зрители. У входа стоял парень и раздавал всем программки – такие же, как у Михаила. Михаил повернулся к Милене:

– Ты будешь смотреть спектакль?

Она покачала головой.

– Езжай домой, – приказал он. – И скажи своим родителям, чтобы они немедленно подали в розыск. Ты теперь сама видишь, что твоя сестра исчезла четыре дня назад, а не два.

Девочка встала. Она казалась такой жалкой и некрасивой в своем растянутом голубом свитере. Михаил удержал ее за рукав:

– Не переживай. Ольгу найдут. Я все-таки думаю, что ничего страшного не случилось.

Но на самом деле он вовсе так не думал.

Зрителей было немного – чуть больше половины зала. Уже в начале спектакля некоторые начали уходить. Михаил не удивлялся этому. Его удивляло другое – как живо и вполне профессионально играли ребята. Он никогда не видел настоящего театра Кабуки, но понял, что постановщица умудрилась обучить артистов стилизованной походке и жестам японских актеров. И за такой короткий срок, с такими ничтожными средствами создать такое красочное увлекательное зрелище! Он восхищался этой женщиной, и постановка ему понравилась. После спектакля он взял у нее интервью.

Он вовсе не собирался говорить с ней об Ольге – ему было достаточно того, что рассказала Наташа. Однако маленькая горбунья сама заговорила о девушке.

– Мои ребята рассказали, что вы интересовались Олей Ватутиной? – осведомилась она, когда Михаил уже прятал диктофон с записанной кассетой. Разговор происходил в опустевшем после представления зале. Двое парней на сцене сворачивали дешевые бумажные декорации, остальные актеры уже переоделись, стерли свой немислимый грим и разошлись.

– Оля пришла сюда одной из первых, – сообщила женщина, с интересом глядя на журналиста. – Жаль, что она не нашла своего места. А может, и не хотела найти. Ей нужна была главная роль, а данных у нее было маловато. Наружность – это еще далеко не все. Она считала себя готовой актрисой, а ведь это было не так. Девочка где-то усвоила кривлянье, взрослые замашки, любила, чтобы ею восхищались. Анаши ребята действительно заглядывались на нее, ведь девочка очень симпатичная. Но переломить себя, начать работать она не желала. Я видела, что к добру это не приведет, и как-то раз поговорила с ней. Поверьте мне, что это было сделано тактично, я старалась внушить ей, что нужно заниматься... Но ничего не добились. Оля меня почти не слушала, мне так кажется. Подавайте ей главную роль – вот и все. А почему вы ею интересуетесь?

Михаил решил и открыл женщине правду. Рассказал про загадочное поведение девушки, про ее ложь, про ее исчезновение. Ирина слушала его напряженно и больше не улыбалась. Когда он замолчал, женщина сняла очки и энергично потерла покрасневшую переносицу. Глаза у нее были близорукие и покрасневшие от усталости.

– Ужасно, – тихо сказала она. – С Олей могло случиться что угодно при таком-то независимом характере... Я видела, что она живет какой-то своей жизнью, совсем не безоблачной. Странно, что родители этого не видели, как вы говорите. Хотя родители вообще редко замечают перемены в своих детях. Придумывают себе образ идеального ребенка и носятся с ним. Так хлопот меньше! А ребенок-то совсем другой, а значит – помощи от родителей не дождется – они ведь его не понимают...

Ирина встала. На сцене было пусто, в зале темно, горел только один светильник на боковой стене – под ним они и сидели. Здесь уже ничто не напоминало о спектакле.

– Вы будете держать меня в курсе дела? – спросила она, направляясь к выходу. – Мне бы хотелось узнать, что произошло с Олей.

– И мне тоже хотелось бы это знать, – ответил Михаил. – Причем все сильнее и сильнее.

Они обменялись телефонами и попрощались на пороге кинотеатра. Ирина предложила довести его до дома, а когда он отказался, села в побитый красный «Москвич», лихо стартовала, и машина исчезла за перекрестком.

* * *

На другой день у него было много работы, два интервью в разных концах города. Но он все-таки выбрал время и ближе к вечеру позвонил родителям Милены. От ее матери он узнал, что они уже ходили в отделение милиции по месту жительства и подали в розыск. Женщина говорила глухо, отрывисто, и Михаил упрекнул себя – зачем он навязывается, бередит ей раны? Но Алла все-таки справилась с собой и даже поблагодарила его за участие:

– Спасибо, что потратили столько времени на Милену... Она все мне рассказала про этот проклятый театр... Я с самого начала как-то не верила в это Ольгино увлечение...

«А мне говорила совсем другое. Если не верила – почему не поинтересовалась, чем занимается дочь?» – подумал Михаил, но высказывать этого вслух, конечно, не стал. Он только предложил посильную помощь. Дело было в том, что в их бесплатной газете не так давно стали публиковать фотографии пропавших людей. В основном материалы поступали из пресс-службы ГУВД. Места для этих публикаций не хватало, и уже успела образоваться очередь.

– Но я бы мог втиснуть в рубрику снимок вашей дочери в обход очереди, – предложил он. – Это может дать результаты, ведь газета распространяется в нашем округе, попадает практически в каждый почтовый ящик. Это даже эффективней, чем показ снимка по телевидению, ведь снимок в газете можно подробнее рассмотреть.

Алла некоторое время молчала, потом ответила, что должна посоветоваться с мужем. Дело в том, что они все еще никого не известили о пропаже дочери. Она имеет в виду родственников.

– Это будет удар, особенно для моей мамы, – прошептала она так тихо, что Михаил едва разобрал слова. – Пока мы не говорим ей, что Оля пропала, но у меня такое чувство, что она начинает что-то подозревать. Ведь они часто перезванивались, а теперь я не могу позвать дочь к телефону, когда бабушка звонит.

Михаил попросил все-таки помнить о его предложении и, в случае чего, звонить ему домой или на работу – он всегда готов помочь. Сам он принял решение больше не звонить родителям Ольги и Милены. Его могли счесть навязчивым – он уже понял, что эти люди не очень-то стремятся к его услугам и предпочитают замкнуться в своем горе. «Но вряд ли им удастся скрыть исчезновение девушки от родни, – подумал он. – Ведь розыскное дело заведено, а родню в таких случаях опрашивают в первую очередь».

Перед концом рабочего дня он заехал в редакцию и рассказал редактору отдела культуры о посещении театра.

– Не хотелось бы ограничиваться информацией в пять строчек, статья получится интересная, – настойчиво говорил Михаил. – Тем более в театре занимается «группа риска» – ребятам лет семнадцать – девятнадцать. Куда им податься, кроме дискотек и ночных клубов? С детьми как-то больше возятся, чем с ними.

В конце концов он выторговал под статью половину полосы, а вернувшись домой, немедленно включил диктофон и начал обрабатывать материал. Ирина вовсе не просила его показывать ей статью перед тем, как печатать. Конечно, руководительница молодого театра была бы рада даже мимолетному упоминанию в прессе о первом спектакле. Но Михаил все-таки решил еще раз встретиться с ней. Поздно вечером они созвонились и уговорились встретиться завтра перед очередным спектаклем. На этот раз он должен был проходить в одном из престижных лицеев округа. Когда Михаил уточнил номер лицея, у него перехватило дыхание. Именно в этот лицей жена перевела Дашу после развода и переезда к новому мужу. «Может показаться,

что я нарочно туда отправился, чтобы увидеть дочь. Люба так и решит, если узнает, что я там побывал... – подумал он, кладя трубку. И тут же вспылil: – Какого черта! Почему я должен слушаться этой истеричной бабы и не видаться с дочерью! Родительских прав меня не лишали, да и кому бы это удалось! Все, хватит, так я совсем потеряю Дашку!»

Он снова вернулся к компьютеру, и к двум часам ночи статья была готова и выведена на принтер.

Спектакль начинался в три часа пополудни, после окончания занятий у всех классов. Михаил приехал в лицей немного раньше. Пропуск на его имя оставили у охраны. Школьников в коридорах еще не было – шел последний урок. Проходя по этим коридорам, Михаил чувствовал себя как преступник, забравшийся в чужой дом, и удивлялся – все-таки удалось жене его запугать! Не видаться с дочерью... А почему, собственно? Потому, что жена внушала Даше, что ее отец – неудачник, посредственность, даже на машину заработать не смог? Потому, что он мог возразить дочери, опровергнуть эти обвинения? А может, жена боялась, что он расскажет дочке что-то неприглядное о ней самой? Но уж такого бы он не допустил... Какова бы ни была Люба – она все равно мать, и неплохая мать... Он вспомнил тот вечер, когда жена поставила его перед фактом готовящегося развода. Как она тогда кричала, плакала, нарочно доводила себя до истерики, чтобы потом упрекнуть мужа, что это он довел ее! Обвинения – и надуманные, и реальные – лились сплошным потоком. Жена как будто боялась, что ему удастся вставить словечко. А он молчал. Михаил был так ошеломлен, что даже не принял эту истерику всерьез. А Даша... Даша наверняка решила, что во всем виноват отец. Ведь о разводе с ней говорила только мать, а значит – могла наговорить все, что угодно. Михаил избегал этой темы.

«Я сам выбрал изоляцию от дочери, – обвинял он теперь себя. – Не хотел тяжелых объяснений, слез, не хотел наговаривать на ее мать... И вот теперь неизвестно, что обо мне думает Дашка. Может, считает меня чудовищем?»

Он поднялся в актовый зал и застал актеров за лихорадочными приготовлениями. Ирина выглядела совершенно замороченной, щеки у нее пылали. Увидев Михаила, она всплеснула руками:

– Прошу вас, не сейчас! У меня нет времени, после спектакля поговорим!

И унеслась за сцену. Из обрывков разговоров Михаил понял, что внезапно заболела девушка, которая должна была играть гейшу. Это выяснилось только теперь – она не приехала на спектакль, ей звонили домой и обнаружили, что она лежит с температурой. Теперь актриса, играющая дочь аристократа, срочно повторяла роль гейши – она должна была взять ее на себя.

– На самом деле поверишь, что пьеса проклятая, – растерянно сказала высокая актриса, уже одетая и загримированная. Она стояла рядом с Михаилом и глядела, как на сцене готовят декорации. Он присмотрелся к девушке и вспомнил, что ее зовут Ольга.

– Вы играете парикмахершу? – спросил он.

Та обернулась:

– Да... А я вас видела на втором спектакле. Вы журналист?

Михаил подтвердил, и девушка с любопытством спросила:

– Тут у нас говорят, что Оля Ватутина пропала. Это вы ее ищете?

– Уже не я, а милиция. – Он присел и предложил девушке сесть рядом. Она поколебалась, потом осторожно расправила полосатое бумажное кимоно и села. Девушка постоянно сжимала и разжимала руки, было видно, что она очень волнуется.

– Роль у меня маленькая, но вдруг что-то забуду, – пробормотала она, смущенно поглядывая на Михаила. – Вот будет позор! А я ужасно боюсь публики. На репетициях все помню, а вот на премьере чуть не влезла не вовремя... Поговорите со мной о чем-нибудь, ладно? Я, может, хоть немного отвлекусь.

– Пожалуйста, – согласился он. – Например, можем поговорить про вашу тещу, Олю Ватутину.

Она передернула узкими плечиками, отчего ворот слишком просторного кимоно поднялся до самых ушей. Девушка раздраженно его поправила и бросила:

– Да ну. Не хочется о ней говорить.

– Почему же? Вы ее так не любили?

– А за что ее любить? – возмутилась девушка. – Ради бога, не думайте, что ее тут затравили. Это она всех презирала. Даже узнавать не хотела вне театра.

Она оживилась, забыла про свое волнение и ударилась в воспоминания. Оказалось, что однажды она случайно столкнулась с Олей Ватутиной, а та не пожелала даже кивнуть ей. Отсюда и пошла обида.

– Мир тесен, вот мы и встретились случайно... – рассказывала девушка. – Я готовлюсь поступать в институт, в школе учила немецкий. Но недостаточно знаю язык, вот и решила позаниматься частным образом. Мне говорили, что лучше идти не на курсы – там ко всем стандартный подход, а найти частного преподавателя. Позвонила по объявлению в бесплатной газете, договорилась... А это оказался Олин отец, представьте себе! Только я этого сперва не знала.

Она рассказала, что преподаватель немецкого со странной фамилией Бог жил неподалеку от театра, и это было очень удобно – она сразу после урока шла на репетицию. Они прозанимались уже около двух недель, как вдруг девушка столкнулась с Олей.

– Мы занимались, и тут я услышала, что кто-то отпирает дверь квартиры своими ключами. Виктор Эдуардович громко спросил, кто пришел, и ответила девушка. Она заглянула в комнату, и я узнала Олю. Поздоровалась с ней... А она, будто меня не расслышала, хлопнула дверью и больше не появлялась. Виктор Эдуардович даже извинился за ее поведение. Он интересовался, на самом ли деле мы знакомы. Я ответила, что мы встречались в театре. Он спросил, как она там занимается, и я сказала все как есть.

– А что именно? – напряженно поинтересовался Михаил.

– Ну, что способностей у нее особых нет, роли ей никакой не дали, а в массовке она играть отказалась... И что на репетиции ходит очень редко. Я сказала правду, потому что... – Девушка на миг запнулась, поправила прическу, хотя в том не было никакой нужды, и несколько смущенно закончила: – Ну, потому что разозлилась на нее. И вообще – зачем мне было врать?

На вопрос, когда произошла эта встреча, «парикмахерша» ответила, что это случилось в конце апреля. Тогда Оля Ватутина совсем перестала появляться в театре, ребята даже имя ее стали забывать. Девушка все еще смущенно заметила, что вовсе не хотела отомстить Ольге, просто так получилось. Да, кроме того, Виктор Эдуардович вовсе не расстроился. Так ей показалось.

– Он сразу предложил продолжить занятие, и это очень порядочно с его стороны, – сказала она. – Ведь оплата почасовая, так что отвлекаться на посторонние предметы мне совсем невыгодно. Кстати, который час?

Михаил показал ей циферблат своих часов. «Парикмахерша» ойкнула и вспорхнула с кресла:

– Начинаем через десять минут! Извините, мне пора!

Он не удерживал ее – было ясно, что девушка чистосердечно рассказала все, что смогла. «Но каков этот господин Бог! – изумленно думал Михаил. – Значит, он почти месяц знал, что дочь не ходит на занятия студии, и все же... Ну, пусть она ему не дочь, а падчерица, но все равно не чужая! А он держался так, будто ему безразлично, где она пропадает... Мать не знала, что Ольга не посещает студию. И Милена не знала. Отчим молчал... Почему? Уж он-то должен был понять, что никакой премьеры у Ольги нет – ни премьеры, ни генеральной репетиции накануне... И все-таки отпустил дочь надвое суток – неизвестно куда... Хотя почему неизвестно? Возможно, он-то знал, куда она собралась?!»

Михаил вскочил и направился к выходу, совершенно забыв о статье и об Ирине. Но ему преградил путь поток лицеистов. Они уже давно скапливались у входа в зал, и теперь проваться сквозь их шумную толпу не было никакой возможности. Михаил встал у стены, чтобы не мешать ребятам войти в зал. Он так ушел в мысли об Ольге и ее загадочном отчине, что совсем забыл о своих страхах – увидеть дочь, столкнуться с ней лицом к лицу. И когда он все-таки увидел Дашку – толпа бросила девочку прямо к нему, – Михаил остолбенел.

Рыжая челка до бровей, испуганные светлые глаза, голубой джинсовый костюм, бисерное кольцо на тонкой шее – все такое знакомое и уже непривычное. Она увидела отца и приоткрыла рот. С ее плеча свалился рюкзачок и повис у нее на локте, потом большой зеленой жабой шлепнулся на пол. В следующий миг его кто-то пнул, Дашка очнулась, побежала поднимать рюкзак, толкнула кого-то локтем, огрызнулась и, не глядя больше не отца, прошла дальше в зал и уселась в одном из последних рядов. Он больше не видел ее от двери сквозь толпу школьников. Михаил почувствовал, как его обдает горячей волной. Какова! Ни словечка! А сам-то он?! Мог бы хоть поздороваться!

Он с трудом вырвался из зала и сбежал – иначе, как побегом, это трудно было назвать. Опомнился только за оградой лица, достал сигарету, уставился на бумажную афишку, извещавшую о спектакле... «Она расскажет матери...» – вертелось у него в голове. И эта мысль мучила его, как будто он и впрямь боялся бывшей жены. А собственно, почему?

Он женился по любви – безрассудно, не имея ни образования, ни собственной квартиры, сразу после армии... Тогда все казалось проще. Не было квартиры – работай, и тебе ее дадут. Образование – бесплатно, почти любое. И Люба тогда тоже была проще. Может, у нее и были уже какие-то повышенные запросы... Но скорее всего, она просто не знала толком, чего ей желать. В основном она хотела, чтобы было «не хуже, чем у людей», а уж этот уровень он ей с грехом пополам обеспечивал... И ему казалось, что все идет хорошо. Они были красивой парой и познакомились тоже красиво – на шахматном турнире, во время поединка. Михаил тогда разбил ее наголову, и она заглядывала ему в рот. Да, как ни странно, она любила, чтобы ее побеждали. А он-то считал, что самое главное – равенство. Его радовало все, что подчеркивало это равенство и сходство между ними. Вкусы и привычки у них во многом сходились, даже дни рождения они отмечали в одном месяце – июле. Только она в самом конце, а он – в самом начале. Уже в последние годы, перед тем как развестись, жена стала донимать его гороскопами. В частности, почти серьезно сообщила, что он – Рак, она – Лев и друг другу они не подходят. Ей, видите ли, был нужен муж-лидер, которого бы она слушалась. А он – рохля, тихоня... Михаил не принимал этих заявлений всерьез. Когда они поженились, про гороскопы никто и не слышал, а мало ли счастливых пар создавалось? И в конце концов, разве они были несчастливы?

– Да, – заявила она как-то этой зимой, когда он задал ей этот вопрос. – Я никогда не была с тобой счастлива. Ну, может, в самом начале, – добавила она, увидев его недоверчивый взгляд.

Она могла выдумывать что угодно, искать себе оправдания в гороскопах, вспоминать давно забытые размолвки, все его мелкие и крупные провинности... Но в сущности, уходила она только по одной причине – он ей надоел. Сознать это было настолько унижительно, что Михаил долго в это не верил. Она-то ему не надоела! В конце концов, жена почти убедила его в том, что он серый, скучный, неинтересный... Михаил видел, кого она сочла ярким, интересным и увлекательным. Видел из окна своей квартиры, как Люба садилась к нему в машину. Такие сцены стали обыденными и продолжались всю зиму, пока она окончательно не ушла... Ничего особенного ни в этом человеке, ни в его машине не было. И он далеко не супермен, и машина – не иномарка. Михаил даже разглядел у Любиного поклонника намечающуюся лысину – со второго этажа это было хорошо видно. Он возненавидел наглого соперника лютой ненавистью, даже хотел убить. Несколько недель он ходил с этой мыслью, и она мало-помалу становилась все реальнее. Он убьет его, подкараулит где-нибудь в глухом переулке, все ему выскажет и

убьет. Михаил даже всерьез поверил, что способен на убийство, и в его снах появился новый кошмарный мотив – его хватают, заламывают ему руки и волокут в тюрьму. А он счастлив – ведь соперник убит и Любе некуда идти.

Когда жена ушла окончательно, Михаил разом оставил мысли о мести. И в этот миг испытал огромное облегчение, будто избежал опасности. В самом деле, теперь не имело смысла убивать соперника – он больше не приезжал под окна, не сигнализировал, Михаилу не приходилось, сжав зубы, смотреть на то, как жена пересекает улицу и садится в эту проклятую «Волгу»... Кончились эти унижительные сцены, это бесконечное ожидание развязки. Реальность оказалась не такой ужасной, как он воображал. Все это можно было вытерпеть. И как ни удивительно, ревности он тоже не испытывал. У него остался только страх за дочь. Как она там? Быть может, ей там плохо, ее обижают?

– Иннокентий заботится о Даше, как о родной, – отрезала Люба во время последнего телефонного разговора. – Между прочим, на лето отправляет ее со мной на Кипр. На двадцать дней! И это несмотря на кризис! Ты хотя бы можешь понять, что у девочки впервые все, как у людей?! Конечно, по-твоему, без этого можно было обойтись! Но если уж на то пошло, можно обойтись и без холодильника, и без телефона...

И пошла, и пошла... Кладя трубку, он даже почувствовал что-то похожее на радость. Освободился, больше ему не слушать этих нотаций! И тут же навалилась тоска – в конце концов, он мог бы заработать и на Кипр... Неужели из-за такой дряни надо было все ломать?!

...Он бросил сигарету. «Ну и пусть расскажет матери, что я тут был, – злорадно подумал Михаил. – Пусть Люба забеспокоится, она ведь так боится, что мы начнем общаться! Не все же мне мучиться в одиночку, пусть она тоже понервничает!»

Михаил зашел в телефонную будку, достал карточку. Она была почти полностью использована, но на короткий разговор должно было хватить.

К телефону на этот раз подошел мужчина. Михаил напористо поздоровался, сказал, что его дочери нужны частные уроки немецкого. Тот замялся, ответил, что сейчас у него достаточно учеников... Михаил настаивал – хотя бы раз в неделю! В удобное для вас время! Когда на карточке оставалась всего пара единиц, Виктор Эдуардович сдался и назвал свой адрес. Михаил договорился, что подъедет к нему прямо сейчас и они побеседуют об условиях.

* * *

Яркий спортивный костюм и кроссовки – преподаватель немецкого будто на пробежку собрался. Только оказавшись с ним лицом к лицу, Михаил понял, до чего же тот высокий – не меньше ста девяноста сантиметров. Виктор Эдуардович открыл дверь сам. По-видимому, больше никого дома не было, и Михаил обрадовался – ему хотелось поговорить без свидетелей. На то, что хозяин его узнает, он не рассчитывал – они виделись мельком, в темном дворе и почти не разглядели друг друга.

– Подождите пять минут, – сказал ему хозяин, проводя гостя в большую комнату, со всех сторон уставленную книжными стеллажами. – Я сейчас освобожусь.

Михаил сел в предложенное скрипучее кресло, бросил взгляд на мальчишку лет шестнадцати, по-видимому ученика. Тот сидел за письменным столом с видом усталого идиотизма на лице. Виктор Эдуардович подсел к нему и приказал продолжать разбор предложения. Мальчишка посмотрел на часы, поерзал и принялся тянуть слово за словом. Ему явно не терпелось вырваться из этой мрачноватой комнаты с низкими потолками – за окном сиял майский день... Этого ученика явно привели сюда беспокойные родители, ему самому язык был до лампочки. Наконец положенное время истекло. Мальчишка бойко попрощался, причем выражение идиотизма разом исчезло. Теперь это был вполне симпатичный паренек с живым взглядом. Проводив его, Виктор Эдуардович обратился к посетителю:

– У вас дочка в каком классе?

– Ну, она уже школу закончила. – Михаил тщательно обдумал свою легенду по пути сюда. – Готовится поступать, а язык учила спустя рукава.

– В общем, как все, – пробормотал Виктор Эдуардович. Его явно утомил нерадивый ученик.

Михаил легко согласился, что в обыкновенных школах без языкового уклона никто особо не учит иностранные языки. Да там часто и преподавателей не хватает. До первого провала при поступлении в институт этим предметом не интересуются.

– А откуда у вас мой телефон? – поинтересовался Виктор Эдуардович.

– Моя дочка получила его от подружки. Она у вас занимается. Может, припомните? Ее зовут Оля. Она еще ходит в одну театральную студию с вашей старшей дочерью.

Он даже не вздрогнул, этот белобрысый великан с младенчески-розовым цветом лица. Только посмотрел на посетителя внимательней, чем прежде.

– Помню, как же, – сказал он после короткой паузы. – А в какой вуз собирается поступать ваша дочка? Не в иняз, надеюсь? Тут я никакой гарантии не дам, если у нее знания слабые. Мы просто не успеем подготовиться за полтора месяца.

Михаил заверил его, что девочка будет поступать в педагогический институт.

– Хотя мечтает о театральном, – заметил он. – Она ведь тоже посещает эту студию. Вы не были на премьере? Весьма интересный спектакль.

Виктор Эдуардович покачал головой:

– У меня почти каждый день расписан. Некогда было пойти. Кстати, о времени. Вас устроит, если занятия будут проводиться утром? С девяти до одиннадцати? У меня есть свободные «окна» в пятницу и субботу. Другого времени пока нет.

– Меня-то любое время устроит. – Михаила начало раздражать упорство, с которым хозяин переводил разговор на безопасную тему. – Главное, чтобы дочка действительно ходила к вам.

Белесые брови Виктора Эдуардовича – того же пшеничного оттенка, что у Милены, – поползли вверх:

– То есть как это?

– Ну, знаете, дети часто что-то скрывают. Например, моя дочка внушила мне, что посещает эту театральную студию чуть не каждый день. А ходила туда раз в неделю. Остальное время проводила как ей заблагорассудится. Ваша-то дочка исправно занимается?

Тот удивленно посмотрел на визитера, секунду помедлил и склонил голову. Это можно было понять как подтверждение. Затем Виктор Эдуардович выудил из стопки бумаг на столе разграфленный лист картона и нашел свободную клетку:

– Значит, я запишу вас на утро. Может, потом освободится более удобное время. Оплата почасовая, пять долларов в час. Вас устроит?

«Ну, железобетон! – разозлился Михаил. – Интересно, милиции он тоже ничего не рассказал?» И пошел в атаку – он был слишком раздражен, чтобы и далее соблюдать маскировку.

– Я слышал, ваша дочь пропала. Она еще не вернулась?

Теперь он явственно увидел, как хозяин вздрогнул.

Виктор Эдуардович рассчитанно-медленно положил на место график и повернулся к Михаилу:

– А почему вас это волнует? Нет, не вернулась. Послушайте, почему мне ваше лицо знакомо?

– Мы с вами как-то виделись. – И Михаил напомнил ему обстоятельства, при которых состоялась их встреча.

– Вот я и думаю, что-то странные вопросы вы задаете, – пробормотал хозяин. – Что ж, и дочки, наверное, у вас нет?

– Есть. Только она учит французский.

Тот меланхолично кивнул:

– Понятно, понятно. Вы просто искали предлог, чтобы сюда попасть. Скажите, почему вас так интересует моя дочь?

– Ну, прежде всего, она вам не совсем дочь, – отрезал Михаил. Он уже совсем перестал церемониться с этим человеком. Редко кому удавалось вызвать у него такую антипатию. – А потом... Разве не удивительно, что я – чужой человек – интересуюсь ее судьбой больше, чем вы?

– А с чего вы взяли, что я ею не интересуюсь?

Глаза у Виктора Эдуардовича совсем выцвели – то ли от гнева, то ли от волнения. Михаил видел – тот сдерживается изо всех сил. Эта мощная фигура производила внушительное впечатление, от нее исходила сжатая, как пружина, угроза. И все же он продолжал:

– Вы уже с конца апреля знали, что ваша падчерица не посещает занятий в театре. Вы знали, что никакой роли она не получила, что не будет участвовать в пьесе. И спокойно разрешили ей уйти из дома на двое с лишним суток! Вы-то знали, куда она уходит? Ведь не в театр?

– Ну, предположим, что не в театр, – сдержанно ответил тот.

– Куда в таком случае?

– Предположим, что вас это никак не касается. – Великан вплотную подошел к Михаилу, и тот почувствовал резкий запах пота и дешевого дезодоранта, исходивший от него. – Оставьте в покое мою семью!

– Почему вы скрыли от жены, что Ольга не посещает театр? – Михаил еле сдерживался, чтобы не заорать. В эту минуту он просто ненавидел этого человека. И его, и того, другого... Ведь у его дочери тоже появился отчим! Наверняка ничем не лучше этого типа! И он бросил ему в лицо: – Вы-то Ольге не родной, но мать не отпустила бы дочь бог знает куда!

Виктор Эдуардович странно, кривовато усмехнулся и неожиданно иронично заметил:

– Как раз Бог и не знает, куда она отправилась. Оля мне не докладывала. И почему вы решили, что она отпрашивалась именно у меня? Я узнал об этом последним, когда она успела уйти. Конечно, мог бы сказать жене правду, но... – И совершенно мирно заключил: – Но вы же понимаете, что иногда правду сказать нельзя? Я думал, что Оля вернется в срок, и не хотел волновать жену понапрасну. А что касается самой Оли... Зря вы считаете ее таким уж ребенком. Я тоже когда-то так думал, пока не обжегся.

В дверь коротко позвонили, затем в замке повернулся ключ. Виктор Эдуардович крикнул:

– Алла, иди сюда, у нас гость!

Женщина заглянула в комнату и, увидев Михаила, воскликнула:

– Нашли?!

– Нет, – оборвал ее муж. – Это насчет объявления в газете, помнишь, ты мне говорила? Я думаю, больше тянуть не стоит. Нужно опубликовать ее фотографию.

Алла молча смотрела на мужчину, слабо покачивая головой. Секундное оживление прошло, и теперь ее взгляд стал загнанным и пустым. Она сильно изменилась за то время, пока Михаил ее не видел.

– Оля ушла из дома неделю назад, – сказала она, наконец. – Не звонила пять дней. Позвонить она могла бы, верно? Ведь первые два дня она звонила. Но теперь она не может... Я чувствую, что не может...

– Поставь чай, – приказал ей муж. Но женщина все так же монотонно продолжала говорить, будто не слышала его:

– С ней что-то случилось. Не верю, что она жива. Этот велосипед... Она бы не бросила его. Ни за что. На нее напали. Мы слишком поздно начали искать. Я думаю, ее уже нет...

Глава 3

Виктор Эдуардович сказал правду – его рабочий день и впрямь был расписан по минутам. Услышав звонок, он сам пошел открывать и тут же вернулся с ученицей – толстой кудрявой девочкой лет четырнадцати. Алла, взглянув на них, встала:

– Я поставлю чайник. Может, задержитесь?

Вопрос адресовался Михаилу. Тот понимал, что хозяин вовсе не желает, чтобы он задерживался. Но теперь ему было наплевать на его мнение. Девочка уже уселась за стол, разложила книги и конспекты... Виктору Эдуардовичу ничего не оставалось, как приступить к занятиям. Не мог же он при ученице наброситься на визитера и выставить его вон!

Алла увела Михаила на кухню и прикрыла дверь.

– Вы о чем-то спорили? – спросила она.

– Почему вы так решили?

– Да у него какое-то странное лицо. – Женщина посмотрела на часы и вздохнула: – Сейчас Милена вернется из школы, а у меня опять ничего не готово. Я за эти дни совсем запустила дом, питаемся бутербродами. Знаете, мне все кажется, что Оле нечего есть... А то и что-нибудь похуже думается... Кусок в горло не идет!

Она пустила воду в раковину и принялась чистить картошку. Женщина двигалась так медленно, что Михаил едва не вызвался помочь. Но тут она повернулась к нему с ножом в одной руке и картошкой в другой:

– Вы в самом деле пришли насчет объявления?

– Не совсем, – честно ответил он. – Просто выяснил кое-что и решил поговорить с вашим мужем. Думаю, что и вам лучше все знать.

И он коротко рассказал о том, что узнал сегодня в театре. Женщина жадно слушала его, и ее лицо все больше каменело. Когда он замолчал, Алла была в ярости:

– Как он мог скрывать! Да какое он имел право! Я должна была знать, я с ума сойду...

Она рванулась было к двери, но Михаил встал у нее на дороге:

– Хотя бы нож положите!

Она изумленно взглянула на то, что было у нее в руках, и вдруг отшвырнула картошку и нож в раковину. Уселась на стул и спрятала лицо в мокрых ладонях. «Надо уходить, – подумал Михаил. – Сейчас начнется семейная сцена, и я буду лишним». Однако урок немецкого все еще продолжался, а Виктор Эдуардович был, как видно, не из тех учителей, что даром берут деньги. Свое время он отработывал добросовестно. «А может, просто боится столкнуться с женой, – подумал Михаил. – Наверняка понял, что теперь она знает правду. Но в самом деле, он что-то слишком много на себя взял! И уж конечно, милиции ничего не сообщал. Что ж, зато Алла сообщит».

Женщина зашевелилась. Сдернула с крючка чистое полотенце, вытерла руки, лицо и закрыла воду.

– Давайте уйдем отсюда, – решительно сказала она. – Я хочу встретить Милену на улице. Отвезу ее к маме. Все равно, та уже в курсе что Оля пропала. Пусть хоть младшая будет у нее на глазах, все-таки легче...

Михаил не стал спрашивать, почему Алла приняла такое решение. И так было ясно – женщина перестала доверять мужу. «И она права». Михаил вышел за ней в прихожую и помог Алле накинуть плащ. Уйти незамеченными им все-таки не удалось – когда Алла отпирала входную дверь, в коридоре появился ее муж.

– Куда это ты? – тихо, чтобы не слышала ученица, спросил он.

Она не ответила, даже не обернулась. Рванула заедавший в замке ключ, распахнула дверь и выскочила на лестницу. Михаил последовал за ней, спиной чувствуя сверлящий взгляд хозя-

ина. «Практически разбил семью». – Эта глуповатая мысль не давала ему покоя, пока он бежал вниз по лестнице вслед за Аллой. Она замедлила шаг только на улице, обернувшись к нему:

– Я вам даже спасибо не сказала...

– Да за что? – смущенно ответил он, подлаживаясь к ее неровным шагам. – Испортил вам отношения с мужем.

– Ничего вы не испортили, я должна была знать правду... Но каков! – Она пошла еще медленней. Женщина задыхалась – то ли от бега, то ли от гнева. – Да кто дал ему право скрывать такое! А я-то – какая дура... Надо было проследить, ходит ли она в этот театр! Но как бы я успела?! Я же работаю, да и все хозяйство на мне, ведь Ольга у меня не одна... Я виновата перед ней.

Последние слова она произнесла чуть слышно и внезапно остановилась. Михаил понял, что женщина сейчас заплачет, но она справилась с собой.

– Но кто же знал, – пробормотала она. – Мне казалось, что он к ней хорошо относится... У вас нет сигареты?

Он с готовностью протянул ей пачку. Алла долго не могла вытянуть сигарету – пальцы у нее дрожали, сигарета погнулась. Прикурила она тоже с трудом и без особого удовольствия. Подняла глаза, и Михаил понял – она смотрит на окна своей квартиры.

– Добросовестный, гад, – неожиданно сказала она. – Даже к окну не подойдет, пока у него урок. Кто же мог подумать, что он способен соврать? Дура я, дура... Отчим и есть отчим, правильно мне мама говорила!

Выбросив сигарету, Алла осмотрелась по сторонам и приняла решение:

– Пойду навстречу Милене, она должна прийти отсюда. Только бы никуда по пути не завернула – такая своевольная!

Михаил вызвался ее проводить, и Алла, по-видимому, обрадовалась. Ей явно хотелось выговориться, поведать кому-то свое горе. Ему, как журналисту, часто случалось выслушивать исповеди совершенно посторонних людей. Он привык к ним – так врач или следователь привыкает к чужим страданиям. Но эту женщину он слушал с особым вниманием. За последние дни он часто думал о ее дочерях, и ему хотелось больше знать о девочках. Особенно об Ольге.

– Она у меня от первого брака, я развелась, когда Оле было три года, – рассказывала Алла, медленно направляясь в сторону перекрестка. Михаил шел рядом, изредка поглядывая на ее заострившийся, нервный профиль. – Муж очень сильно пил, это у него в семье наследственное. Семья-то у него была совсем простая, он работал токарем, окончил ПТУ. Правда, руки у него были золотые, но что толку? Конечно, Виктор на этом фоне казался принцем. Богом! – И она грустно усмехнулась.

Женщина рассказала, что новый муж с самого начала принял Олю как родную дочь. Через год родилась Милена. Никакой разницы между девочками не делали, если баловали – то обеих, если наказывали – им тоже доставалось поровну. Тем более что Милена в детстве хулиганила почище старшей сестры.

– А Оля лет до семи, пока в школу не пошла, даже не понимала, что Виктор ей не отец, – жалобно говорила Алла. – Только когда пришлось писать другую фамилию на тетрадке, тогда до нее дошло. Я ей все объяснила, как смогла, и мне казалось, ее это мало трогает. Родного отца она потом видела... Тот же эффект – на фоне Виктора он ей не понравился. И она всегда называла Виктора «папой». Ну, как я могла думать, что он к ней так отнесется? Ведь это же наплевать! Знал, что она шляется где-то целый месяц, и молчал! И хоть бы слово, хоть бы намеком дал понять... Нас ведь в милиции опрашивали, с нами долго разговаривали – чем Оля занималась, где бывала, с кем дружила... Он им ничего не сказал. Это уже ни в какие ворота не лезет!

– А Ольга не могла отправиться в гости к своему настоящему отцу? – поинтересовался Михаил.

Алла устало отмахнулась:

– Да что вы! Следователь тоже меня спросил, я дала ему адрес, телефон... Думаете, я сама не проверила? Ее там нет и не было. Последний раз они с отцом виделись два года назад. Он ей за пять минут осточертел, так она мне и сказала.

Женщина вдруг остановилась и замахала рукой – от перекрестка им навстречу шла Милена. Она шагала, о чем-то задумавшись, размахивая ярким бирюзовым рюкзаком, который небрежно несла за одну лямку. Мать окликнула ее, девочка подняла глаза, замедлила шаги, а потом побежала им навстречу.

– Привет, – сказала она матери и кивнула Михаилу. – А куда это вы идете вместе?

– Тебя встречаем. – Мать взяла дочку под локоть и развернула: – Мы поедем к бабушке.

– А что случилось? – строптиво вырывалась та. – Я есть хочу, а к бабушке далеко! Мам, ты что – плакала?!

Алла прикрыла глаза и нарочито весело сообщила, что у бабушки как раз готов обед, а дома ничего из продуктов не осталось, и вообще... Лучше Милене несколько дней пожить с бабушкой. Та остолбенела. Она глядела на Михаила, будто надеялась, что он ей все объяснит. Но тот молчал.

– Что-то про Олю узнали? – грубым, чужим голосом спросила девочка.

Но мать почти насильно потащила ее к автобусной остановке. Отойдя на несколько шагов, Алла обернулась и крикнула Михаилу:

– Я позвоню вам! Спасибо!

И, повернувшись к дочери, крепко обняла ее за плечи.

* * *

Михаил вернулся в лицей. Он высчитал, что спектакль только что закончился, но вряд ли актеры успели переодеться и собрать декорации. И не ошибся – красный «Москвич» Ирины все еще стоял у ограды лицей. Вскоре появилась и она сама. Увидела Михаила, удивленно подняла тонкие, аккуратно выщипанные брови. Женщина явно решила, что журналист уже ушел. За ней спешили ребята из студии. У некоторых на лицах еще виднелись полосы белил, черного и красного грима. Автобуса у них не было, на что Ирина немедленно пожаловалась Михаилу:

– Кстати, хорошо бы упомянуть в статье, что мы ищем спонсора. Пусть хотя бы автобус предоставят. Мы начнем ездить со спектаклем по школам – представьте, каково каждый раз все тащить на себе? Не могу же я всех запихать в свою развалюху!

Актеры шумно попрощались с ней и, разделившись на несколько стаяк, скрылись за воротами. Михаил заметил, что исполнители главных ролей держались особняком и ушли вместе. «Парикмахерша» удалилась под ручку с каким-то парнем из массовой. На Михаила она даже не взглянула – видимо, успела раскаяться в своей откровенности. Кому охота, чтобы его сочли мстительным? Она ведь попросту отомстила своей тезке за то, что та с ней не поздоровалась. Теперь Михаил понимал, что Ольга «не узнала» ее из страха разоблачения. Эта встреча никак не входила в ее планы. Она боялась, что при отчине начнется разговор о студии и тогда обнаружатся ее нелегальные отлучки из дома... Но почему она боялась этого? Ведь, узнав тайну, отчим никому ее не выдал. Он молчал. Чтобы не расстраивать жену, по его собственным словам? Михаил очень в этом сомневался. Тогда почему? У него должна быть веская причина, чтобы молчать...

– Вы меня слышите? – словно издали, донесся мягкий голос. – Дама уже целую вечность предлагает вас подвезти, а вы молчите! Это невежливо, в конце концов!

Михаил извинился. У него столько работы, пояснил он, голова постоянно забита какими-то проектами... Он увидел, что рядом с руководительницей театра стоит та девушка, с кото-

рой как будто дружила Ольга. Как же ее зовут? Да, точно, Наташа, и она в этой пьесе играет служанку.

– Так вас подвезти? – Ирина отперла дверцу машины.

– Конечно, если вам в сторону «Щелковской». Сперва подвезем Наталью, она у нас инвалид труда, подвернула ногу на сцене. Платный лицей, обучение стоит бешеных денег, а сцену привести в порядок не могут! Бедняжка запнулась о гвоздь, хорошо, что ногу не пропорола.

– Лучше бы я ее пропорола, но не упала, – убито возразила Наташа. – Какой позор! Устроила цирк на сцене, они же полчаса после этого смеялись!

– Ну, прекрати, – по-матерински улыбнулась Ирина.

– С каким актером не бывает! Это я виновата, надо было послать ребят осмотреть доски, а я замоталась... Теперь буду умнее. Но и публика тут, скажу я вам! – Теперь она обращалась к Михаилу. – Хамство удивительное! В зале все время шум, шелестят фантиками, встают, пересаживаются, я видела – некоторые заткнули уши наушниками... Неинтересно им. Фабрика быдла – вот что такое этот лицей! Учителя не смеют слова сказать этим юным хамам – они ведь у них на жалованье. Ну, ничего. Следующий спектакль у нас в детском доме. Так вы едете?

Михаил принял приглашение и уселся на заднее сиденье. Наташа села впереди. Все время, пока они ехали, девушка молчала. Видимо, она тяжело переживала свою сегодняшнюю неудачу. Михаил тоже не испытывал желания разговаривать. Его задели слова Ирины о «фабрике быдла». Конечно, не он устроил дочь в этот лицей. Это все Любины честолюбивые затеи. Ее девиз: «Что дорого – то и хорошо». А теперь он даже не имеет права вмешаться, высказать свое мнение. Кто его послушает? Кому он нужен? Дочь узнала его, но даже не подошла...

Ирина тоже о чем-то задумалась, что не мешало ей лихо вести машину. Михаил даже позавидовал ей – было видно, что за рулем мастер своего дела. «Впрочем, она, наверное, из тех, кому все удастся, – подумал он. – Захотела собрать театральную труппу – собрала. Захотела поставить такой необычный спектакль – и он получился. Да уж, о ней не скажешь, что ее Бог обидел. Улыбается, шутит. Но все равно, мне неловко смотреть на ее горб. Будто я в этом виноват».

Он попросил высадить его где-нибудь на Измайловском бульваре, объяснил, что отсюда недалеко до его дома и он пройдет пешком. Ирина притормозила у магазина бытовой техники, Михаил передал ей текст статьи, и они уговорились, что вечером созвонятся. Если будет нужно, внесут исправления. Он уже прощался, когда заметил, что Наташа тоже выбирается из машины.

– А ты куда? – удивилась Ирина.

– А я к подруге, – невнятно ответила та. – Она здесь рядом живет... Спасибо, Ирина Сергеевна.

Женщина пристально посмотрела на нее, мельком взглянула на Михаила. Наташа неожиданно разругалась.

– Ну как знаешь, – недовольно произнесла Ирина. – Дело твое. Только береги ногу – чтобы завтра ты могла играть!

Девушка клятвенно пообещала, что выйдет на сцену в любом случае – даже если опухоль не пройдет. Хлопнула дверца, и красный «Москвич» улетел за перекресток.

– Ну вот. – Наташа прижала ладони к пылающим щекам. – Что она обо мне подумала! Решила, что я к вам липну!

Михаилу тоже было не по себе. Ему не понравился оценивающий взгляд Ирины – та смотрела на него так, будто предостерегала: «Не морочьте голову девчонке». «Нашла тоже коварного соблазнителя! – сердился он. – У кого нет своей личной жизни, тот всегда лезет в чужую!» Наташа попросила у него сигарету, он дал. Она затянулась также неловко, как Алла, и он сразу вспомнил ее бледное, несчастное лицо. «А тут еще я ей прибавил горя с мужем! Нечего было соваться!»

Наташа подняла на него глаза:

– Вы-то хоть не думаете, что я к вам пристаю?! Знаете, наша Ирина всем хороша, вот только терпеть не может, когда кто-то за кем-то ухаживает. Даже намека не переносит. Сразу меняет отношение – как-то нехорошо смотрит, как на врага...

– А пьесу тем не менее выбрала про любовь, – заметил он.

– Про несчастную любовь! – подчеркнула девушка. – Ну, да бог с ней. Я ведь хотела с вами поговорить, но вы так быстро сбежали из зала... Когда вы к нам пришли в первый раз, я ничего толком не вспомнила. А потом Ирина нам сказала, что Оля Ватутина пропала, что ее ищет милиция. И велела быть готовыми к тому, что и с нами будут о ней говорить. Ну, я стала вспоминать... И вспомнила. Не знаю только – это важно или нет?

Михаил подбодрил ее, и девушка рассказала, что незадолго до спектакля, после майских праздников, увидела Олю на улице.

– То есть не совсем на улице, а в машине, – поправилась она. – Я не разбираюсь в машинах, но это была иномарка синего цвета, темного, почти черного. Стекла были тонированные, но передняя дверца открыта. Машина стояла возле винного магазина. Шикарный магазин, называется «Коллекционные вина». Наверное, водитель был в магазине. А Оля высунулась из машины и трясла над газоном туфлю – наверное, камушек попал. Она меня не заметила, зато я ее узнала. Это точно была она.

– Она была одна в машине?

– Не знаю... Я больше никого не разглядела. Там внутри играла музыка, очень громко, потому я и посмотрела в ту сторону. А вообще мне показалось...

Наташа запнулась на секунду и решительно выдохнула:

– Короче, она была пьяна. Я еще и поэтому решила не подходить к ней. Глаза у нее были совсем мутные. Она посмотрела сквозь меня. Я уверена, что она вообще ничего не соображала и не видела.

Как ни странно, он вовсе не удивился, услышав эту новость. Ему вспомнились слова отчима Ольги: «Я тоже считал ее ребенком и обжегся». Что-то в этом роде. Как это он обжегся, интересно?

– Вы не можете вспомнить, во сколько это было? – спросил он Наташу.

Та подумала и сообщила, что встреча произошла около семи часов вечера. Репетиции десятого мая не было, и Наташа решила съездить в центр, на Никитский бульвар. Там, в галерее «Шон», как сообщила ей руководительница студии, продавалось настоящее японское кимоно. Родители были не меньше дочери увлечены театром и выделили ей деньги на покупку. Но кимоно оказалось не только потрясающе красивым, но и запредельно дорогим, так что Наташа вернулась домой с пустыми руками. На сцену приходится выходить в самодельном костюме... Пока она вдавалась в тонкости японского женского наряда, Михаил произвел несложные расчеты. Ольга уходила из дома в шесть вечера, возвращалась в девять. Наташа видела ее в семь часов. Значит, за час Ольга успела напиться. Что ж, она времени даром не теряла. Как девятнадцатилетняя девушка провела остальные два часа – особо гадать не приходилось. Ему вдруг стало скучно – слишком банально все это выглядело. Девушка развлекается с богатым приятелем, однако скрывает это от родителей, прикрываясь репетициями... Выдали бы ее замуж, и дело с концом. Ольгу тоже можно понять – не так-то весело в девятнадцать лет сидеть под родительским крылышком. Особенно с такими наклонностями, как у нее.

– Как по-вашему, я должна рассказать об этом следователю? – спросила Наташа. – Как-то неловко получается... Будто я на нее доношу.

Михаил ответил, что в этой ситуации выбирать не приходится. И не стоит ждать, когда к ним в студию придут с опросом. Нужно действовать как можно быстрее – ее показания слишком важны. Он записал адрес и телефон Наташи и сказал, что сегодня же узнает, как ей связаться со следователем. Девушка явно оробела, но отступить было поздно.

Разумеется, байку о живущей рядом подруге актриса выдумала для Ирины. Теперь ей нужно было добираться до дому на троллейбусе. Михаил довел ее до остановки, обратив внимание, что Наташа заметно прихрамывает. Но она держалась мужественно и не жаловалась. «Да уж, пьеса все больше оправдывает свою «проклятую» репутацию, – думал он, поддерживая девушку под локоть. Каждый шаг давался ей с трудом. – Одна актриса слегла с температурой, другая охромела... А третья вообще исчезла. Хотя актрисой она так и не стала, и тут виновата не пьеса. Похоже, Ольга все-таки познакомилась не с тем, с кем нужно...»

Вернувшись домой, он долго не решался позвонить Алле. И новость была не из приятных, и на ее мужа нарываться не хотелось. А когда он все-таки позвонил, его ждал сюрприз.

Трубку снял Виктор Эдуардович – Михаил даже про себя называл его по имени-отчеству, хотя тот был всего лет на десять его старше. Он попросил к телефону Аллу, ему вежливо ответили, что она будет минут через двадцать.

– Что-нибудь передать? – осведомился тот.

А когда Михаил назвал и попросил, чтобы Алла ему перезвонила, Виктор Эдуардович раздраженно ответил, что это уже переходит всякие границы. Что профессия Михаила еще не дает ему права лезть в чужую семейную жизнь. И чтобы он – раз и навсегда – забыл этот номер. Тем более что Ольга только что вернулась домой и, значит, инцидент исчерпан.

– Вернулась? – закричал Михаил. – Она у вас?

– У нас, – ответил тот и положил трубку.

* * *

Алла ворвалась в квартиру как раз в тот момент, когда дочь выходила из ванны. Женщина до последней минуты не верила, что муж сообщил ей правду о возвращении Ольги. Он позвонил, когда она устраивала Милену у бабушки и обдумывала вопрос – не остаться ли здесь самой? Когда Виктор сообщил ей эту потрясающую новость, она решила, что это какая-то глупая уловка, придуманная для того, чтобы вернуть ее. Тем более что позвать падчерицу к телефону он не мог – Ольга, по его словам, только что заперлась в ванной и моется. Женщина успела сжиться со страшной мыслью, что больше никогда не увидит дочь. И вот она увидела ее – едва переступив порог своей квартиры.

– Господи, – Алла замерла, не веря своим глазам, не в силах сделать еще один шаг. – Что с тобой?! Что случилось?!

Ольга теребила в пальцах пояс красного махрового халата. Она только мельком взглянула на мать, но та все равно успела заметить, как страшно исхудало лицо дочери. Нос заострился, как у покойницы, глаза глубоко запали и ушли под надбровные дуги, тонкая шея, казалось, готова была согнуться под тяжестью головы... А эти руки! Почти прозрачные, костлявые, голубоватые – все вены напоказ! Алла бросилась к ней и схватила дочь за плечи:

– Где ты была?! Господи, одни кости! Что ты с собой сделала?!

– Ой, ну не надо, – тихо ответила она. – Только не кричи. Ужасно голова болит.

– Почему ты так выглядишь?! – Женщина плакала, сама того не замечая, и ощупывала дочь. Даже толстая ткань купального халата не могла скрыть этой ужасной, небывалой худобы. Девушку трясло – она едва стояла на ногах.

– Скажи, – выдавила мать. – Скажи мне правду – это наркотики?!

Ольга с изумлением посмотрела на нее. С таким неподдельным изумлением, что мать вдруг поняла – она ошиблась в своем страшном предположении. Судорога отпустила ее горло, и, обняв дочь, она разрыдалась.

Ее долго не могли успокоить. В основном старался муж – он принес ей рюмку с корвалолом, попытался уложить на кровать, взять за руку... Она не видела, не слышала, не замечала его присутствия. Алла смотрела только на дочь. Она была жива – и это казалось чудом! И в

то же время Алла почти не узнавала ее. Как будто вместо Ольги вернулся кто-то другой. И от этого ей становилось жутко, тем более что дочь все это время молчала.

Девушка сидела в потрепанном кресле, запахнув полы халата, прикрыв глаза. Казалось, она дремала. Только раз она открыла рот, чтобы попросить чего-нибудь попить. Алла вскочила было, чтобы бежать на кухню, но муж ее опередил:

– Я сам. Заодно все вместе поужинаем.

Он вышел на кухню и загремел чайником. Хлопнула дверца холодильника, и от этого звука Ольга втянула голову в плечи. Алла прошептала:

– Не верится, что ты опять со мной.

– Мам, я просто никак не могла тебе позвонить, – скороговоркой начала дочь, но Алла ее остановила:

– Не надо! Если ты собираешься врать – ничего не говори.

– Я только хочу объяснить, – настаивала Ольга. – Думаешь, я не понимаю, что виновата? Очень даже понимаю! Но я попала в такой переплет!

Она, по своему всегдашнему обыкновению, говорила очень быстро, не давая матери вставить слово. Ольга рассказала, что после спектакля подружка предложила съездить к ней на дачу. Поездка состоялась утром следующего дня. Поехали за город на электричке, компанией из пяти человек – сплошь девчонки. На даче решили пойти в лес поискать сморчков – эти грибы как раз появляются в мае. Хозяйка дачи уверяла, что великолепно знает окрестности и они пробудут в лесу не больше двух часов. Поэтому они оставили привезенную с собой еду в доме, а с собой не взяли ничего. Девчонки долго искали грибы, зашли неведомо куда и заблудились. Разумеется, никакой еды у них с собой не было. Блуждали несколько дней, жутко оголодали – в майском лесу не было ни грибов, ни ягод. Даже этих проклятых сморчков они не нашли. Им никак не удавалось услышать хотя бы шум автостреды или электрички. Девчонки подозревали, что жилье неподалеку, только они кружат на одном месте. У двоих из них были зажигалки, так что от холода они страдали меньше, чем от голода. Жгли костры. Жевали траву, всякую зелень... Им удалось выйти к жилью только сегодня утром.

– Кто эти девчонки? – спросила Алла, когда дочь наконец умолкла. Конец своей истории Ольга рассказывала уже без воодушевления. Видимо, она заметила, что мать ей совсем не верит.

– Я же тебе говорю – из театра.

– Дай мне телефон хотя бы одной из них, – потребовала Алла.

– Ты мне не веришь?! – взвилась было Ольга, но та ее осадил:

– А как тебе верить? Ты бы хоть сообразила, что в театр мы обратились в первую очередь! Скажи спасибо Милене – она вспомнила название студии! Ты же не играла ни в каком спектакле! Какая дача, что ты плетешь! За дуру меня принимаешь?!

Ольгу передернуло, и мать испуганно замолчала. Дочь выглядела ужасно. И даже если она врала, то одно в ее истории было правдой – ей долгое время не приходилось ничего есть.

– Мы подали в розыск, – сказала мать уже чуть тише. – Ты понимаешь, что тебя ищут по всей Москве? Едва в газете твое фото не напечатали! Спасибо – не успели!

– Мам, я очень виновата перед тобой, – устало сказала Ольга. Было видно, что у девушки просто нет сил выкручиваться и защищаться. И Алла сдалась. Она сказала себе, что отношения можно выяснить завтра. Но она обязательно заставит ее сказать правду! Без этого она просто из дому ее не выпустит – никогда!

– Пойдем на кухню. – Алла погладила дочь по плечу и невольно отдернула руку, испугавшись ее худобы. – Ты хоть поела?

И та сказала, что ела суп из пакетика – сварил отец. Но много он ей не дал – налил на дно тарелки. Сказал, что после такого поста в еде нужна осторожность. Так что есть ей хочется

ужасно! И Ольга с грустной усмешкой добавила, что просто не верит в то, что когда-нибудь сможет наесться досыта. Ей кажется, что это просто невозможно.

Девушка ела со сдержанной жадностью. Было видно, что она делает невероятные усилия, чтобы не схватить тарелку и не выпить суп через край. Рука у нее дрожала, и ложка то и дело звякала о фарфор. Мать спешно размораживала курицу в микроволновой печи. Она больше не приставала к дочери с расспросами. Увидев, как та набросилась на жидкий безвкусный суп из пакетика, Алла была настолько потрясена, что почти поверила в Ольгину невероятную историю. До своего исчезновения Ольга ела очень мало, почти через силу. Всегда привередничала, выбирала лучшие куски и часто отодвигала тарелку нетронутой. В отличие от Милены – та глотала все, что подавали, и часто доедала за сестрой.

Виктор тоже присутствовал на кухне и наблюдал за тем, как падчерица ест. Сам он ограничился чаем. Когда Ольга опустошила тарелку и потянулась за добавкой, он решительно отодвинул кастрюлю:

– Хватит. И вообще, на сегодня достаточно.

– Но я не наелась! – строптиво возразила та. – Ничего со мной не случится, это же супчик!

– Тебе будет плохо, если ты несколько дней ничего не ела, – отрезал он и переставил кастрюлю на подоконник. – Слушай, а что же вы пили в лесу?

– Воду. – Ольга проводила кастрюлю жадными голодными глазами. – Воды там было сколько угодно.

– Но ведь было холодно, несколько дней шли дожди! – в ужасе повернулась Алла. Почти против своей воли она начинала принимать эту невероятную версию. Возможно, потому, что другая версия ее бы не устроила. – Ты наверняка простужена! Давай-ка в постель!

Дочь ушла только после того, как ей клятвенно пообещали – через час в постель будет подан куриный бульон с куском вареной курицы. Только тогда она поплелась в комнату, которую по старой памяти все еще называли «детской». Там заскрипел старый диванчик, а затем стало тихо.

– Только не подходи ко мне, – сдавленно сказала женщина, глядя на мужа. – А то я тебя ударю!

Тот остановился на пол пути к ней и развел руками:

– Ладно, если ты считаешь, что я заслужил... Ударь разочек.

Она отвернулась – микроволновка запищала, извещая о том, что курица разморозилась. Алла нарочно двигалась резко, чтобы муж не мог подойти сзади и обнять ее. Это была его обычная медвежья манера – облапить, сдавить своими ручищами, поставить на своем... Но сегодня вечером он предпочитал держаться в стороне. Алла гремела посудой, всем своим видом показывая, что не замечает мужа. Ему пришлось заговорить первому:

– Почему ты оставила Милену у матери?

Алла обернулась с шумовкой в руке:

– Ты еще здесь? Какое тебе дело до Милены?

– Как это! – возмутился он. – В конце концов, она моя дочь!

– Она-то да. – И Алла снова сосредоточила внимание на бульоне.

Он молчал. Она ждала, что он скажет что-нибудь в свою защиту. Самое время начать оправдываться. Но он молчал, и в ней мутным огненным облаком поднималась ярость. Наконец она не выдержала и прошипела:

– Почему ты ее покрывал? Почему ты ничего не сказал мне? Я желаю знать, в конце концов!

– Это все выдумки твоего журналиста, – неприязненно и спокойно ответил Виктор. – Сперва он набросился на меня, потом обработал тебя. По-моему, ты ему просто приглянулась. Или Ольга? Ты же сама говорила, что он ее часто встречал в парке. А может, Милена?

И, увидев яростные и растерянные глаза жены, холодно пояснил:

– Если уж делать предположения, то самые смелые. Педофилов сколько угодно. Где гарантия, что он тот, за кого себя выдает? Может, он просто желает втереться в семью? Учти, если он еще раз позвонит или явится сюда – я спуску ему не дам! В конце концов, я имею право защищать свою семью!

– Болван! – выкрикнула Алла. – Это он педофил?! Выдумываешь бог знает что, чтобы прикрыть свои грешки! Я желаю знать, почему ты мне ничего не сказал про Ольгу! Пока я этого не узнаю – разговаривать с тобой не буду, и Милену ты не увидишь!

Эта угроза вырвалась у нее совершенно неожиданно. Она ведь вовсе не собиралась заниматься шантажом. Но на мужа это произвело сильное впечатление. Он явно растерялся. Все, что он смог сделать, – это попросить говорить потише. Ведь Ольга устала, наверняка она спит.

Больше Алла к нему не обращалась. Она сосредоточилась на бульоне. Когда он был готов, она налила его в глубокую керамическую миску, приправила зеленью, положила туда кусок курицы, отрезала хлеба и отправилась с подносом в «детскую» комнату. Ольга, вопреки прогнозам, не спала. Она лежала, заткнув уши наушниками плеера и глядя в потолок. Увидев мать, девушка выключила плеер и села.

– О, роскошно! Я опять умираю от голода!

Она набросилась на бульон, обжигаясь и содрогаясь от жадности. У Аллы не хватало мужества на это смотреть. Она присела на постель Милены и поправила подушку. Закрыла глаза. Голова шла кругом. Что теперь делать? Как держаться с мужем, с дочерью? Она слушала скрежет ложки о миску и думала о том, что Ольга обманывает ее. Конечно, обманывает. Но как вытянуть правду? Старшая дочка с детства научилась прикрываться своими болезнями от неизбежного наказания. Она часто болела и хулиганила, пока росла. И только в последние годы с ней не стало никаких хлопот – всем на удивление. «Она доставляла так мало хлопот, что я совсем ее забросила, – покаянно думала Алла. – И вот – пожалуйста! Сажу в одной комнате с незнакомкой и совершенно не знаю, как с ней говорить... Да и стоит ли говорить? Правды она не скажет...»

Но отказаться хотя бы от попытки она не могла. Взглянула на дочь – та возилась с куриным крылом.

– Ну, хорошо, вы заблудились в лесу и бродили там четыре дня, – ровным, преувеличенно спокойным тоном заговорила Алла. – Но где ты была четырнадцатого и пятнадцатого? Только не ври про театр. Там мы уже все выяснили.

– У подружки, – подняла глаза Ольга. – Я же сказала тебе! Ну, ма, как ты не можешь понять! Конечно, мне хотелось посмотреть спектакль! И я его смотрела. А то, что меня в зале не видели, – не моя вина. Там было много народу.

– Ну а зачем было врать, что ты играешь главную роль?!

– А что, я должна была сказать, что меня попросили убраться? – вежливо и зло переспросила Ольга. – Я не хотела, чтобы ты считала меня ничтожеством. Вот и скрывала. Я решила тебе наврать, ну что поделаешь? Я хотела, чтобы вы все мною гордились... Теперь ты понимаешь, почему я запретила вам приходить на премьеру? – умильно спросила девушка. – А ты еще обижалась! Теперь не обижаешься?

Да, это объяснение было похоже на правду – Алла не могла не признать. Обостренное самолюбие, амбиции, тщеславие – все это она часто замечала в старшей дочери. Но думала, что эти качества помогут ей выбиться в люди. Тем более что та работала над собой... Или создавала видимость работы?! Эта мысль окончательно подкосила женщину. Как она радовалась, что дочь увлекается театром! Ольга приходила домой возбужденная, с блестящими глазами, рассказывала о своих очередных успехах... С тех пор как она стала посещать студию, у нее даже характер улучшился. Она сделалась более уступчивой. Перестала раздражаться по мелочам. Казалось, она быстро повзрослела, стала какой-то мудрой. И как теперь все это объяснить, если она не посещала студию?

Ольга отодвинула пустую миску:

– Все, спасибо... А теперь я буду спать, если не возражаешь.

Алла забрала поднос и вышла. Что толку расспрашивать? У дочери на все был готов ответ.

Муж смотрел телевизор в большой комнате. Значит, он тоже не собирается вступать в переговоры. Его пугает необходимость что-то объяснять. «Хорошо, пусть ничего не объясняют, – устало подумала Алла, ставя поднос на кухне. – Может, и не нужно знать правду? Может, я не стану от этого счастливее. Ольге девятнадцать. В ее возрасте я уже была матерью, тянула на себе хозяйство... Пусть живет, как знает. Пусть живет лучше меня, пусть будет счастливее... Ведь я только этого и хочу! Но почему же он молчал?»

Она зашла в ванную. Под раковиной в большом тазу была замочена одежда. Алла убедилась, что там отмокают вещи, в которых Ольга ушла из дома – джинсы, легкий свитер, белье... Все вперемешку – белые вещи с цветными. Она машинально подняла таз, перевернула его в ванную. Принялась замачивать вещи отдельно. Но кое-что привлекло ее внимание...

Через минуту женщина горела как в лихорадке. Она была вне себя. Поднимала каждую вещь, рассматривала ее, изучала стекающую воду... Потом вышла в прихожую, осмотрела кроссовки дочери. Никаких сомнений не было. Теперь она сама убедилась в том, что ее обманули.

– Она врет, что блуждала по лесу. – Алла вошла в большую комнату и включила свет – муж любил смотреть телевизор в темноте.

Виктор удивленно обернулся:

– Что, обет молчания нарушен?

– Прекрати иронизировать. Я говорю, когда хочу. Ни в каком лесу она не была. Я видела ее одежду и обувь. Ничего там нет – ни грязи, ни травы. Ничего! А если они спали на земле и четыре дня блуждали по лесу... Ты хоть обратил внимание на ее кроссовки? Они абсолютно чистые! Она все это время была где-то в городе.

Тот вздохнул и встал:

– Ну, ты ведь женщина, больше в этом разбираешься. А я не заметил. Что теперь делать? Брать ее за горло? Тебе самой ее не жаль?

– Больше всех мне жаль себя. – Алла опустила в кресло и бессмысленно уставилась в телевизор. – Все вы сговорились меня обманывать. Хотела бы я знать зачем.

– Я обманут точно так же.

– Прекрати. Тебе на нее наплевать. Я вообще подозреваю, что тебе всегда было на нее плевать. Ты скажешь, наконец, почему ты ее покрывал?

Он смолчал, но Алла видела – ему очень хочется что-то сказать. Виктор выглянул в коридор, погасил там свет, вернулся в комнату и плотно прикрыл дверь. Ему было не по себе, он явно боролся с каким-то тягостным чувством. И наконец не выдержал:

– Ладно. Я очень не хотел тебе говорить, но раз ты так ставишь вопрос... Да, я все знал и молчал. А у меня не было выхода!

Алла вопросительно смотрела на мужа. Тот шагал по комнате, то и дело заслоняя собой экран телевизора, и затравленно объяснял, что Ольга шантажировала его. И добились успеха.

– Кто же знал, что она такая наглая?! – тихо, чтобы его не услышали в другой комнате, говорил Виктор.

– Я расспросил ее в тот же день, когда ученица все мне рассказала. Сказал, что мне все известно – в театре она не появляется, роль ей не дали. В таком случае – где она пропадает? Знаешь, что мне ответила твоя дочка?

Он впервые употребил это выражение. Раньше Виктор всегда говорил «моя дочь», «наша дочь». И хотя Алла только что сама обвиняла его в том, что ему наплевать на Ольгу, сейчас в ее глазах рушился целый мир. Мир, который она построила на иллюзиях. Что чужой человек

может стать отцом ее старшей дочери. Что никаких различий между девочками нет. Отвратительное слово «отчим», унижительное – «падчерица» – как она боялась этих слов, как сторонилась от них всю жизнь!

– Оля сказала, чтобы я не лез не в свое дело, – рассказывал Виктор. – Она впервые говорила со мной таким тоном. А смотрела... Я, знаешь ли, не думал, что она меня так ненавидит!

– Ну что ты... – попыталась возразить Алла, но он остановился прямо перед ней и склонился над креслом. Ее обдало знакомым запахом дешевого дезодоранта. Теперь он говорил совсем тихо:

– И еще она заявила, что если я все тебе расскажу, то она тебе тоже кое-что расскажет. Скажет, в частности, что я ее... Что я с ней... Нет, не могу!

Он выпрямился и отвернулся. Алла вцепилась в подлокотники. Ее трясло мелкой, противной дрожью – будто в самолете, который вот-вот оторвется от взлетной полосы.

– Не может быть, – шипло сказала она.

– Она сказала именно это, – не оборачиваясь, отрезал муж.

– Но ведь... Этого же не было?!

Он взглянул на нее через плечо:

– Ага, так я и знал! Ты уже задаешь этот вопрос?! А если бы она тебе это сказала?! Она, а не я?! Черт, она-то знала, чем заткнуть мне рот! Беспроигрышный вариант! Любая мать встревожится! Кому бы ты поверила – ей или мне?!

Алла сама не знала. Она не знала даже того, верит ли мужу сейчас. Но что-то в ней кричало – Ольга не могла такого сказать! Откуда взялась эта мерзость?! Где она нашла такие слова?!

– Ты понимаешь, почему я молчал?

Она склонила голову. Виктор принял это за подтверждение и немного смягчился:

– Ну в таком случае и говорить больше не о чем. Я молчал, а что я мог сделать? Решил – пусть она живет своей жизнью. Подумал, что она наверняка встречается с каким-то парнем и только прикрывается театром. Ладно, думал я, пусть встречается. Она совершеннолетняя. Кстати...

Он мучительно поморщился – видно, какая-то деталь не давала ему покоя.

– Оля тогда сказала еще кое-что, только я не принял всерьез... Мне уже и так хватило по горло. Видно, девчонка поняла, что ей удалось меня напугать, и тогда она решила закрепить успех. Короче, она сказала, что в состоянии платить мне за молчание.

Он подождал реакции жены. Алла не произнесла ни слова, казалось, она даже не расслышала, о чем речь. Тогда он добавил:

– Конечно, я отказался.

Она больше не слушала его. Женщина скорчилась в кресле и закрыла лицо руками.

Глава 4

Виктор сам разложил диван, постелил белье. Впрочем, он часто это делал, если жена уставала на работе. Алла работала в больнице, медсестрой при кабинете физиотерапии. Несмотря на низкую зарплату, она так и не перешла на две ставки, как сделали многие другие медики. Иначе женщина не управилась бы с хозяйством и двумя детьми. И тем не менее особо надрываться по дому ей не приходилось – муж добровольно брал часть работы на себя. Беспрекословно мыл посуду, мог пропылесосить квартиру, чуть не каждый день чистил обувь – тут у него был пунктик, любил, чтобы все туфли и ботинки стояли ровненьким рядком и сияли. Коллеги в больнице завидовали Алле: «У тебя же просто золотой мужик! Да еще и заработать умеет!» Она и сама понимала, что жаловаться ей не на что, что это просто глупо, что никто ее не поймет... Никто, кроме матери. Та всегда прохладно относилась ко второму зятю. «Он слишком уж тебя забивает, – говаривала мать. – Погоди, он еще покажет когти!»

Сегодня днем Алла плакала, рассказывая матери, как обманул ее Виктор. Теперь слез не было. И кому бы она стала жаловаться? Маме? А на кого? На Ольгу? Та и слушать не будет – сразу встанет на сторону любимой внучки. Ей до сих пор казалось, что Ольга маленькая, беззащитная, безгрешная... Мама сразу закричит, что девочка врать не станет, что Виктор совратил ребенка, что она давно ждала от него чего-то в этом роде... Алла содрогнулась, представив себе эту сцену. Она не знала, чему теперь верить и что делать. И все-таки чувствовала, что муж рассказал ей правду.

– Ты спать собираешься? – спросил Виктор, включая ночник над постелью. – У меня завтра ученик придет в десять утра.

Она машинально разделась, бросая вещи куда попало. Забралась под толстое одеяло, повернулась лицом к стене. Виктор улегся рядом – под его тяжестью застонали продавленные пружины. Он потрогал жену за плечо:

– Ну ладно, не убивайся так. Мы вытянем из нее правду.

– Не хочу я правды, – еле слышно ответила она. – Витя, что я сделала не так? Ты же знаешь – я была бы не против, если бы она познакомилась с порядочным парнем. Я никогда не была против! Я бы пригласила его в гости, я бы хоть в лицо его хотела увидеть! Ну, неужели я такая мегера, что ей нужно было убегать из дома на неделю?!

Она разволновалась и резко повернулась к нему:

– Я знаю, что ей девятнадцать, что многие в ее возрасте уже замужем! Но она же сама, сама никем не интересовалась! Я и то уже начала удивляться!

– Перестань. – Он положил ей на плечо тяжелую горячую руку. – В конце концов, ничего страшного не случилось. Она жива, здорова, она дома.

Алла не ответила. Ее будто булавкой укололи его слова «жива-здорова»... «А вдруг все-таки наркотики? – мелькнуло у нее в голове. – Или... Еще что-нибудь? Она ведь не скажет. Отмахнется. Нет, я совсем ее не знаю».

– Я не выпущу ее из дома, – пообещал муж, протягивая руку и гася ночник. – Теперь все будет по-другому. Не волнуйся. И знаешь... Ты молодец, что не взяла с собой Милену. Не надо ей быть при этом. В одной комнате с...

Он замолчал. Женщина лежала с открытыми глазами, слушая тишину. Через несколько минут дыхание мужа изменилось, стало размеренным и глубоким. Он всегда засыпал быстро, и она завидовала ему. В комнате дочерей тоже было тихо. Но Алла почему-то чувствовала, что дочь не спит.

* * *

На другой день ей пришлось идти на работу, как обычно. Во время рабочего дня она несколько раз звонила домой. Трубку каждый раз брал муж. Он отчитывался в одних и тех же словах: «Оля спит, ест, никуда выходить не собирается. Сонная, тихая. Мало разговаривает». Алла звонила из регистратуры, вокруг было много любопытных глаз и ушей – вся больница была в курсе того, что у нее пропала дочь. А теперь вот нашлась. Ее поздравляли, но она чувствовала, что у всех на языке вертится вопрос: «А где же была твоя дочка целую неделю?» Что она могла им ответить? Повторить Ольгину ложь? Единственным человеком, с которым она могла пооткровенничать, была ее давняя подруга – медсестра из хирургического, Вера. Именно с ней она и поделилась сомнениями насчет здоровья дочери:

– Истощена, как будто из концлагеря вырвалась. Правда, ест с аппетитом, а муж присматривает, чтобы не объелась... Дело-то не в этом. Я боюсь другого...

– Венерических? – догадалась Вера. Увидев, как потемнело лицо подруги, пожалала плечами: – Ладно, не умирай раньше смерти. Просто нужно сделать анализы. И на СПИД заодно.

– Разве она согласится? Не могу же я насильно взять у нее кровь...

Вера возмутилась:

– А она может неделю где-то шляться? И хоть бы разок матери позвонила, артистка такая! Ты же сама на себя не похожа – выглядишь лет на пятьдесят! Ну и хабалка же твоя Ольга!

Вера всегда была несдержанна на язык, резала правду-матку и могла бы нажить множество врагов... Если бы не отличалась невероятной отзывчивостью. Она часто приходила на помощь прежде, чем ее об этом просили. Именно поэтому Алла и пожаловалась именно ей.

– Ну вот что, – решительно заявила Вера. – Ты ее приведи сюда, якобы в гости, а я уж затащу ее на анализы. У меня не вырвется! – И она показала крепкую короткопалую руку. – Пусть знает, что за свои поступки надо отвечать.

Алла согласилась, что провериться дочери необходимо. Но какие условия она могла ей ставить? Женщина и сама себе не признавалась, что начинает бояться Ольги. Это было невероятно – бояться собственной дочери – старшей, любимой... И все-таки у нее не исчезало ощущение, что в доме поселилась незнакомка. Из головы не выходило вчерашнее признание мужа. Этот бесстыдный шантаж... Может, Виктор и не смог стать ей настоящим отцом. Но такого оскорбления, во всяком случае, не заслужил.

Вечером Алла снова попробовала нажать на дочь. Она буквально загнала Ольгу в угол – та опять сидела на своей постели, заткнув уши наушниками, грызла яблоко. Алла вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Выключи музыку. – Она сопроводила свои слова пояснительным жестом.

Ольга поняла и вынула наушники:

– Что, мам?

– Ты должна показаться врачу.

Та смотрела на нее непонимающе, потом нахмурилась:

– Я здорова. Подумаешь, похудела.

– Не заговаривай мне зубы. Где ты так похудела? Что – Москва на осадном положении? С хлебом проблемы? Деньги у тебя при себе были?

– Были, – согласилась дочь. – Но в лесу булочных пока не построили. А если ты боишься энцефалита, то я тебе клянусь – клещи ко мне не цеплялись!

– Ни в каком лесу ты не была!

И мать выложила дочери все, что угадала по ее одежде. В заключение добавила:

– Боюсь, к тебе цеплялся кто-то покрупнее клеща!

Она и сама не думала, что решится на такой прямой намек. Ольга, казалось, ушам своим не поверила. Она смотрела на мать расширенными, изумленными глазами. Этот горестный взгляд – взгляд несправедливо обиженного ребенка – так часто выбивал оружие из рук Аллы! И всегда, сколько ей помнилось, Ольге удавалось избежать наказания, что бы она ни сотворила. Милену, случалось, шлепал отец – но та и не умела делать такие святые глаза. А кто бы решился бить Ольгу? Виктору вовсе не улыбалась роль жестокого отчима, и получалось, что с родной дочерью он бывал куда строже, чем с приемной.

– Завтра ты пойдешь со мной в больницу и сдашь все анализы, – жестко сказала Алла.

– Нет, – просто ответила дочь.

– Я сказала...

Но Ольга не дала ей договорить. Она вскочила и отшвырнула недоеденное яблоко:

– Я тоже все сказала! Не позволю, чтобы на мне ставили опыты, я не кролик!

– Дрянь!

Она впервые ударила дочь. Рука сама поднялась и со звоном отлетела от Ольгиной щеки. Девушка покачнулась и медленно подняла ладонь, будто защищаясь. Щека у нее мгновенно покраснела.

– Ты скажешь правду? – сипло спросила Алла.

Дочь молчала. Наконец, опустив руку, рассчитанно-медленно произнесла:

– Ну вот, лиха беда начало. Теперь ты будешь меня бить.

В тот вечер они больше не разговаривали. Ольга сидела у себя в комнате и даже к ужину не вышла. Виктор сообщил жене, что весь день не спускал с Ольги глаз. Конечно, ему приходилось сидеть у себя с учениками, но он перенес телефон в большую комнату и уверен – Ольга даже не звонила никому. Зато он сам позвонил в милицию и попросил больше не искать падчерицу.

– Так что дело закрыто.

Алла кивнула. Она и слушала, и не слышала. Ее рука до сих пор горела от удара – ладонь даже слегка вспухла. «Господи, как хорошо, что Милена всего этого не видит! – думала она. – Радует, что сестра вернулась... А как и что – не знает. Но что же мне теперь делать? Не могу же я поселить их в одной комнате! Милена – еще ребенок, а эта... Эта...» Слово, которое мелькнуло у нее в голове, испугало ее. Так она никогда о дочери не думала.

На другой день, в субботу, Алла работала до часу. У нее пропало всякое желание ходить на работу – впервые в жизни. Сегодня все, будто сговорились, стали вытягивать из нее подробности. И никто не верил истории, которую она передавала со слов дочери. Правда, вслух никто своих сомнений не высказывал, но это и так было видно. Только подруга выразилась без обидных.

– Заблудились в лесу?! – удивилась Вера. – Торчали там пять дней?! Да ты что, милая моя?! Веришь в эти байки? И твоя Оля даже не простудилась? Да по ночам в области был ноль, даже снег один раз пошел! Они бы сдохли – с кострами или без! Да я уверена – все было не так!

Алла попросту сбежала, отговорившись тем, что ее ждет пациент, которому нужно ставить магниты.

По пути с работы она заехала к матери. Та, едва отворив дверь, всплеснула руками:

– А Милена сбежала!

– Куда?! – У Аллы подкосились ноги, и она без сил опустилась на галошницу. Правда, мать успокоила ее – Милена отправилась всего-навсего домой.

– Только что позвонила мне и сказала, что из школы поедет к вам. Что соскучилась по всем, а больше всех – по сестре. Ну и дочки у тебя! Одна другой лучше! Обе своевольные, будто козы, и в кого такие?! Вроде не в тебя, да и отцы этим не отличаются... Езжай домой, она уже должна быть там!

Так и было – когда Алла вернулась, Милена уже распаковывала в «детской» комнате свой рюкзачок. Алла только мельком заглянула к дочерям и успела заметить, что они только что о чем-то оживленно беседовали. Как только она показалась в дверях, обе замолчали. «Уже и у Милены тайны, – с досадой подумала она. – Ну, теперь нужно переживать за обеих. А я-то всем хвасталась – беспроблемные дети, беспроблемные дети...»

Обедали все вместе. Даже у Виктора выдалось окно между двумя занятиями. Это случилось редко, поэтому в доме садились за стол в разное время. Милена вертелась, заглядывала в лицо сестре и была похожа на счастливую собачонку, которую только что приласкал хозяин. Ольга ела много, но уже без особой жадности. А может, сдерживалась, чтобы не пугать сестру. Щека, на которую пришелся удар, приняла свой обычный цвет, только казалась чуть припухшей. Но Алла все равно не решалась взглянуть на старшую дочь.

– Оля, я все хотел тебя спросить, – неожиданно заговорил Виктор. – Почему твой велосипед оказался в парке?

Та, ни секунды не медля, ответила, что велосипеду нее украли. Как раз в день спектакля. Родители подружки не разрешили поставить его в коридоре – там было слишком тесно. Пришлось оставить его в тамбуре. А замок там ненадежный, так что, наверное, мальчишки вытащили велик и угнали его в парк. Накатались и бросили.

Алла уже и не пыталась понять, где тут правда, где ложь. Она даже старалась не слушать. Девочки первые покончили с обедом и ушли к себе в комнату. Она взглянула на мужа.

– Ты хоть сколько-нибудь ей веришь? – тихо спросила она.

Тот покачал головой:

– Нет. Но я рад, что ты веришь мне. Если бы не это, я бы не выдержал.

– Что будем делать дальше? – Алла отодвинула тарелку. Сегодня ей кусок в горло не лез. – Не можем же мы вечно ее караулить. Ей придется выйти из дома, не сегодня, так завтра. А мы так и не добились правды.

– Ты уговорила ее сделать анализы? – тревожно спросил Виктор. – Пойми, она в одной комнате с Миленой... Только не говори, что я больше забочусь о родной дочке, чем о чужой!

Она и не говорила этого. Этот вопрос волновал ее больше всего. Уж ей ли было не знать, какая обстановка в городе с венерическими болезнями! Не говоря о СПИДе – о таком вообще думать не хотелось. В конце концов они приняли решение – никаких разбирательств при Милене. Никаких сцен. Вести себя так, будто они приняли версию о блужданиях в лесу. Но они должны вместе нажать на Ольгу, дать ей понять, кто в доме главный. Никаких карманных денег – ни копейки. Никаких летних нарядов. Никаких прогулок в одиночестве – только с матерью. Сам Виктор отказался сопровождать падчерицу:

– И времени нет, и отношения у нас уже не те. А главное – ты не сдавайся! Она тебя хорошо изучила и умеет уломать. За себя я отвечаю. И, знаешь... Неплохо бы обыскать ее вещи.

Последние слова он произнес совсем тихо, будто про себя. Алла изумленно подняла глаза:

– Мы же все просмотрели, когда она пропала! И бумажки, и книжки, и *одежду*. Нас же спрашивали – не взяла ли она с собой чего-нибудь. Чего еще искать?

И муж пояснил, что ему не дает покоя наглое предложение падчерицы – платить ему за молчание.

– Из каких это денег она собралась мне платить? На расходы мы ей даем пятьдесят рублей в неделю. Уверен, она их тратит без остатка – одного бисера сколько покупает! И, однако, вспомни! Не было ни одного случая, чтобы она попросила прибавки! Ты можешь такое припомнить? Ни разу не просила!

Алла подумала и согласилась с ним. Такая неприхотливость старшей дочки всегда ее радовала. Даже скептически настроенная Вера признавала – сейчас такие детки редкость. Что

купишь на пятьдесят рублей в неделю? Ну жвачку, ну мороженое, ну сок. И конец удовольствиям.

– Где же она брала деньги? – спросил муж.

– А ты иди и спроси у нее, – предложила Алла. Встала и удалилась в ванную – умыться и поплакать.

Конечно, Виктор не решился допрашивать падчерицу. Тем более что Милена ни на шаг не отходила от старшей сестры. Алла опять в этом убедилась, когда пылесосила квартиру. Она делала это машинально, по привычке, а вовсе не из страсти к порядку. Однако с того дня, как пропала Ольга, в квартире никто не прибирался, и ей пришлось изрядно повозиться. Зайдя с пылесосом в «детскую» комнату, она увидела, что Милена сидит на постели сестры – колени поджаты к подбородку, глаза блестят. Ольга что-то рассказывала, но, увидев мать, опять замолчала.

– Или идите гулять, или помогайте убираться, – произнесла Алла традиционную фразу. Она сказала это машинально и так же машинально включила пылесос, не дожидаясь ничьей помощи. Девочки всегда выбирали прогулку и на этот раз тоже мгновенно исчезли с поля боя. Потом, сквозь шум работающего пылесоса, до слуха женщины донеслись отзвуки перепалки. Выглянув в коридор, она увидела мужа – тот буквально оттаскивал падчерицу от двери. Милена, окаменев, смотрела на отца со смешанным выражением мольбы и отчаяния.

– Тебе было сказано – никуда не пойдешь! – рявкнул Виктор и рванул Ольгу за руку. Та попыталась вывернуться, а когда это не удалось, бросила отчиму в лицо:

– Я тебя ненавижу! Если б ты знал, как я тебя ненавижу!

– Меня тоже? – Алла подошла поближе.

Ольга даже не взглянула на мать. Алла чуть не насильно заставила мужа отпустить ее руку. Они с Виктором обменялись взглядами: «Не поддаваться!» Милена плаксиво заметила:

– Ты же сама сказала, чтобы мы шли гулять...

– Это относилось только к тебе, – поправилась Алла. – Ольга больше не гуляет. Хватит. Нагулялась на год вперед.

– И что же мне теперь делать? – истерично зазвенел голос Ольги. – Сгнить в этой поганой квартире?!

Она коротко, странно рассмеялась, закрыла лицо руками и убежала в ванную. Сидела там, запершись изнутри, никого не впускала, на вопросы не отвечала. Милена плакала под дверью, пытаясь добиться от сестры хоть одного слова. От прогулки она отказалась. Виктор не утешал дочку. Храня педагогически-суровое молчание, он помогал жене закончить уборку – без его помощи она бы не справилась. Сегодня у нее все валилось из рук.

Ольга вышла из своего заточения только поздно вечером. Прошла в детскую комнату, упала на постель, повернулась лицом к стене. Лицо у нее распухло от слез. Она молчала, отказываясь отвечать, поест, раздеться... Милена давно уже лежала в постели, но вряд ли спала.

После полуночи Алла выключила телевизор. Муж давно спал своим богатырским сном. Женщина всегда поражалась, как глубоко он проваливается в сон. Можно было включить полный свет, слушать музыку, смотреть телевизор – Виктору все было нипочем. Зато – странное дело! – он просыпался после первого же звонка будильника. Однако сегодня она будильник не заводила. Завтра воскресенье. Ей не нужно идти на работу. Первый ученик явится к Виктору не раньше полудня. Можно будет выспаться, и это очень кстати. Алла взглянула в зеркало, провела пальцами под глазами, возле губ... Нет, на пятьдесят лет она еще не выглядит, Верка преувеличила. Но вот на сорок тянет. А ведь она всегда казалась моложе своих тридцати семи лет. «А как я буду выглядеть через год? – спросила она свое отражение. – Если Ольга и дальше продолжит в том же духе, то я стану старухой... А она продолжит. Я видела сегодня ее глаза. Она нас обоих ненавидит! Это не подделаешь, она все-таки не актриса, чтобы так играть... Из-

за нее я могу потерять Миленку. Она обожает сестру, а та сделает с ней, что захочет. Настроит против нас. Уже настроила».

Алла выключила свет, забралась в постель. Она так устала, что думала сразу уснуть, но сон бродил где-то рядом, не подходя вплотную. Она совершенно измучилась, ворочалась с боку на бок, прислушиваясь к ночной тишине. По улице иногда проезжали машины, визжали тормоза на перекрестке, откуда-то доносилась музыка. Ей вдруг захотелось одеться, выйти на улицу, сбежать куда-нибудь из этого дома, из этой комнаты с ободранной мебелью, от этого мужа, от этих детей, которые больше ее не любят... Она еще немного поплакала и, уткнувшись во влажную подушку, незаметно для себя уснула...

...Ее разбудил какой-то металлический лязг – очень знакомый звук, но спросонья она его не узнала. Ей даже показалось, что звук тоже приснился. Ведь она только что видела какой-то сон. Алла приоткрыла глаза, увидела, что в комнате еще темно, повернулась на другой бок и прижалась к спине мужа. Тот что-то пробормотал во сне и утих. Можно было еще спать и спать, но Алла почему-то не решалась закрыть глаза. Ее что-то тревожило. «Где это лязгнуло, в конце концов? – думала она. – Может, на кухне? Милена иногда кусочничает по ночам, я давно заметила. А ведь она у нас полненькая, в отца. А может, это Ольга проснулась?»

Она больше не могла лежать. Встала, накинула халат, с трудом нашла тапочки. Почему-то не решилась зажечь свет, хотя Виктору это было все равно. Алла вышла на кухню, щелкнула выключателем. Никого. В раковину капает вода, по стене быстро ползет таракан. Проклятье! Наверное, опять морили у соседей, и эти твари спасались в вентиляции! Алла сняла тапку и уничтожила таракана. Но что это был за лязг, в конце концов? Может, в самом деле приснилось?

И тут она похолодела. Звук был очень знакомый, она это поняла сразу, как его услышала. Но что это было – до нее дошло только сейчас. Женщина бросилась в прихожую, включила свет, нажала на ручку входной двери... Дверь слегка лязгнула – это отжался рычажок. Через щель из подъезда потянуло сквозняком. Дверь была незаперта, хотя Алла сама запирала ее на ночь.

Кровь отлила от лица и, казалось, бросилась в ноги. Они стали тяжелыми, непослушными. У нее едва хватило сил, чтобы выйти на площадку, ухватиться за перила, посмотреть вниз. Алла никого там не увидела. Подъезд был хорошо освещен и совершенно необитаем. Внизу давно уже стояла железная дверь с кодовым замком, так что бродяги здесь не ночевали.

Она вернулась в квартиру, заперла дверь. В «детской» комнате темно, дверь чуть приоткрыта. Алла не знала, почему она до сих пор старается соблюдать тишину – ведь нужно было кричать, звать на помощь, что-то делать... Но она старалась ступать потише, подходя к «детской» комнате. Отворила дверь, заглянула. Полоса света из коридора упала на постель Милены. Девочка спала, накрывшись одеялом до самых ушей. Алла открыла дверь пошире и увидела то, о чем и так уже знала. Постель старшей дочери была пуста...

– Господи, да проснешься ты наконец?! – Она трясла мужа, от волнения забыв самый верный способ его разбудить – завести будильник. Но в конце концов все-таки растолкала его. Ошалевший, растрепанный, он резко сел и уставился на нее:

– Сколько время?

– Четыре утра!

– Ты рехнулась? – Он наконец нашел глазами часы и убедился, что жена говорит правду. Потом увидел Милену – та стояла на пороге комнаты – в пижаме, босиком... Ее никто не будил – она сама проснулась, когда Алла закричала на спящего мужа.

– Мам, а что случилось? – испуганно спросила Милена.

– Сама не знаешь? – яростно обернулась та. – Сговорились?! Покрываешь ее?!

– Мам, я...

– Да как ты могла не слышать, что она сбежала! Вместе же спите!

Тут дошло и до Виктора. Он вскочил, отстранил Милену и вскоре лично убедился в том, что постель падчерицы пуста. Алла крикнула ему вслед:

– Ищи ветра в поле! Она уж полчаса где-то шляется! Я слышала, как она ушла. Только не сразу сообразила...

И тут же снова накинута на дочь:

– Скажешь, что ничего не слыхала?! О чем вы весь день шептались?!

У Милены дрожали губы, она не смогла выдать ни слова. Еще секунда – и девочка расплакалась. Алла отпустила ее и прикрикнула:

– Иди ложись, и чтобы я тебя не слышала!

Милена ушла в свою комнату, шлепая босыми ногами и сотрясаясь от рыданий. Но сейчас Алла не чувствовала к ней ни капли жалости. «Сговорились!» – стучало у нее в голове. Вошел Виктор. Виду него был ошалевший – если он не высыпался, то очень туго соображал.

– Звоню в милицию? – предложил он.

Алла поджала губы и покачала головой:

– Курам на смех! Нас там уже знают. Никто не будет ее искать. Да и не надо! Захочет – сама объявится. А не захочет... Скатертью дорога! Ведь говорил мне следователь – дочь у вас взрослая, подождите немного, такой возрасту нас чаще всего сам находится. А я считала его подонком – оскорбляет мою маленькую дочурку! Какая же я была дура!

Воскресный день, всегда слишком короткий, казался бесконечным – из-за гробового молчания. Ольга не возвращалась, не звонила. Милена весь день просидела у себя на постели с какой-то книгой на коленях – чуть ли не с учебником физики. Было ясно, что она не читает. Мать с ней не разговаривала. Она сходила на рынок, закупила продукты, разморозила холодильник, приготовила обед на два дня вперед. Виктор занимался со своими учениками. Все делали вид, что ничего не произошло. Единственным, что предприняла Алла, был обыск в комнате дочерей. Ничего не объясняя Милене, женщина перерыла шкаф с вещами старшей дочери, обшарила ее ящик в письменном столе. Даже постель разворошила. Девочка ничего не спрашивала. Она сидела, уставившись в учебник и делала вид, что ничего не замечает. Закончив обыск, Алла все так же молча покинула комнату. Она не нашла ничего подозрительного. Никаких денег, ничего ценного. Даже любимый Ольгин плеер лежал на письменном столе. Она заметила только, что, уходя ночью, Ольга прихватила с собой свою черную кожаную сумку. А надела, судя по всему, зеленый мохеровый свитер, джинсы и кроссовки. Больше ничего из ее вещей не пропало. Велосипед тоже был на месте.

Также Алла проверила собственный кошелек. Как она ни пересчитывала наличность – все равно получалось, что отсюда Ольга денег не брала. У Виктора тоже ничего не пропало.

– Она ушла без денег, – сделала вывод Алла. – Среди ночи. Все ясно – у нее завелся поклонник, к нему она и отправилась.

– Ты все еще не хочешь обратиться в милицию? – тревожно спрашивал Виктор. На этот раз он беспокоился сильнее, чем жена. В первый раз, когда исчезла Ольга, все было наоборот.

– Не хочу позориться! – отрезала Алла. – Господи, как хорошо, что мы не успели напечатать ее снимок в газете! Сколько людей *ждут* очереди, у скольких действительно пропали дети! А наша... Да пусть шляется где угодно, я больше за нее не отвечаю!

* * *

В это воскресенье Измайловский парк был буквально переполнен. Впервые за последнюю неделю выдался солнечный день, и люди ринулись на природу наверстывать упущенное. Михаила эта толпа раздражала. Куда бы он ни повернул – везде народное гулянье. И чем ближе к вечеру, тем больше народу. Кое-где уже начались танцы.

Он шел своим обычным маршрутом. От станции метро «Измайловская», через сырую рощицу, и дальше – по широким асфальтовым дорожкам, через луг, мимо первого пруда, второго, третьего... На волейбольной площадке было не протолкнуться – играли по очереди четыре команды. Турники на берегу дальнего озера оккупировали обнаженные по пояс парни – они отжимались, громко хекали, кто-то крутил «солнышко» с таким усердием, что дряхлый турник ходил ходуном... Михаил шел по берегу, то и дело натыкаясь на загорающие парочки. Отовсюду доносилась музыка. Бурый спаниель кругами плавал в озере и радостно лаял на ребенка в красной кепочке, который бросал ему палку. На другом берегу уже поднимался дым костра – скоро запахнет шашлыком. Обычное московское воскресенье. И почему сегодня его все это раздражало? Михаил сам себе удивлялся. «Если хотел уединения – пришел бы сюда в шесть утра. Красота, тишина, птички...»

Он решил углубиться в лес. Дошел до огромной бетонной трубы в дальнем конце озера, перебрался через замусоренную протоку... Здесь всегда бывало потише, но сегодня выдался какой-то безумный день. Отведя огромную еловую ветку, Михаил увидел на поляне сразу нескольких отдыхающих.

Правда, эти отдыхали как-то странно. Стояли полукругом, уставившись в землю, курили. Сплошь мужчины, двое – в милицейской форме. Михаил хотел было повернуть назад, как вдруг увидел на земле что-то зеленое. Не траву, не листья. Похоже на кофточку. Один милиционер обернулся и недружелюбно предложил ему погулять в другом месте. Но Михаил не мог отвернуться. Он смотрел и не верил своим глазам. Спутанные светлые волосы, зеленая кофта, рукав, засученный до локтя... Ниже локтя бледную исцарапанную руку плотно обхватывал браслет из цветного бисера.

– Не стойте здесь, проходите! – раздраженно повторил милиционер. Теперь на Михаила смотрели все четверо.

Он сглотнул комок, царапавший горло, и сипло спросил, что здесь случилось. А так как никто ему не ответил, прибавил:

– Позвольте взглянуть... Я, кажется, эту девушку знаю...

Ее нашли полчаса назад. Двое бегунов следовали своим обычным маршрутом через эту рощицу, и один из них заметил, что на поляне слева что-то белеет. Он не обратил на это особого внимания, не остановился – мало ли здесь мусора! Возвращаясь обратно той же дорогой, он машинально нашел взглядом это белое пятно и понял – это кроссовка, и она явно надета на чью-то ногу. Тут он не выдержал и свернул с пути, посмотреть, кто там лежит в кустах. А через минуту они оба стояли над телом девушки и пытались ее оживить. Однако быстро поняли, что это бесполезно – вся кофточка на ее животе потемнела от крови. Осмотреть тело подробнее никто не решился. Один из них побежал звать милицию, второй остался на страже. Этот второй старался не смотреть на покойницу, глазел по сторонам. Поэтому заметил черную сумку, которая лежала поодаль, на краю поляны. В сумке оказался паспорт на имя Ватутиной Ольги Степановны, расческа, полупустая пачка сигарет, дешевая зажигалка, помада, разные бумажки. Фотография принадлежала той самой девушке, тело которой он караулил.

После того как Михаил опознал девушку, его больше и не пытались прогнать. Милиционеры расспрашивали его, где она жила. По тому адресу, что в паспорте? А с кем? Кому сообщить? Он рассказал им все – и то, что Ольгу разыскивала милиция, что она вернулась домой три дня назад... С тех пор он не звонил Алле. Он надеялся, что эта семья наконец обрела покой. И совсем не ожидал, что ему еще раз придется увидеть Ольгу... При таких обстоятельствах.

Вызванная по радиации машина не смогла подъехать вплотную к рощице и остановилась на другом конце пруда. Оттуда принесли носилки. К тому времени на место происшествия уже сбежался народ. Неизвестно как по берегу распространилась новость – нашли труп. Два трупа. Три...

У него записали данные паспорта – он сам предложил милиционерам взять его координаты. И чуть не насильно всучил одному из них адрес и телефон Наташи:

– Это подружка убитой. Она видела ее в какой-то иномарке, пьяную. Родители Ольги ничего об этом не знали. Думаю, теперь это имеет значение?

Наташины координаты у него взяли, но у Михаила сложилось впечатление, что его почти не слушают. Милиционеры переговаривались между собой, вызывали кого-то по рации. Один из прибывших оперативников полез в кусты с видеокамерой. Костер на берегу озера погас – видно, шашлык решили перенести в другое место, а то и вовсе отменили.

Михаил отправился домой. По-прежнему светило вечернее ласковое солнце, но ему было холодно. «Напрасно я так долго на нее смотрел, – ругал он себя. – Господи, что же случилось?! Милиционер говорил – убили ножом. Он, кажется, поднимал ей свитер... Что же теперь будет с ее матерью? Нет, я не смогу ей сообщить. Не буду, не хочу сообщать такое. Пусть это сделает милиция».

* * *

...В девятом часу вечера в дверь позвонили. Побежала открывать Милена – она опередила мать.

– Спроси – кто! – напомнила ей Алла. Ее всегда пугала манера младшей дочки – открывать кому попало. Так недолго и до беды...

– Кто? – покладисто спросила Милена. Приникла к «глазку» и тут же испуганно обернулась к матери: – А там милиция...

«Я знала, – сказала себе женщина, открывая дверь. – Я знала, что это не Ольга. Предчувствовала, кто это... Что она сделала?!»

Она беспрекословно впустила в квартиру следственную группу. Виктор попросил гостей объяснить, в чем дело. По какому поводу такой визит? Следователь оглядел супругов, поймал на себе взгляд полноватой бледной девочки – та смотрела так, будто он вышел из фильма ужасов. Он отметил про себя фамильное сходство женщины и девочки с убитой в парке девушкой. Да и фото в паспорте совпадало. И все-таки он спросил, здесь ли проживает Ольга Степановна Ватутина.

– Здесь, – ответил мужчина. – Это наша старшая... Что случилось? Милена, иди к себе.

Девочка вздрогнула, но осталась на месте. Она не сводила глаз со следователя. Сержант тем временем прошел на кухню, было слышно, как он там говорит по рации.

– Она дома? – продолжал следователь.

– Нет, – это заговорила женщина. – Оля ушла сегодня ночью. Не знаю куда. Вы насчет нее? Что... Что случилось?!

У нее начал срываться голос. Тянуть дальше было невозможно. Следователь попросил провести его в комнату. Ему не хотелось делать сообщение при девочке. Милена хотела пройти за взрослыми, но мать не впустила ее, прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Она выслушала следователя, глядя в пол. Когда он замолчал, слегка качнула головой, будто оглушенная. Муж тяжело опустился в кресло, сцепил руки в замок. Оба молчали.

– Вы должны ее опознать. – Следователь посмотрел на часы. – Чем раньше, тем лучше. Мы должны быть твердо уверены, что это она.

– Нет-нет, – быстро ответила Алла. – Я не могу. Я не поеду.

– Я поеду. – Виктор встал и застегнул молнию на своей спортивной куртке. Он торопился, ему явно не терпелось уйти. Он не сделал попытки утешить жену, даже не подошел к ней. Следователь смотрел на все это и удивлялся: «Ведут себя так, будто ожидали чего-то такого... А может, ожидали? Что там этот журналист говорил про розыск?»

Он отправил Виктора с сержантом и остался наедине с Аллой. Милена больше не показывалась на глаза. Она спряталась у себя в комнате, и оттуда не доносилось ни звука.

– Во сколько ушла ваша дочь? Как вы сказали – среди ночи?

Алла подняла измученные, покрасневшие глаза:

– Этой ночью. В половине четвертого.

– Во что была одета – можете вспомнить? Или не видели?

– Если бы я ее видела – не дала бы уйти. Она надела зеленый свитер и джинсы.

Теперь сомнений не оставалось – одежда тоже совпадала. Но следователь не стал этого говорить. Он попросил рассказать, что это была за история с исчезновением девушки. Это было совсем недавно, как он понял.

Алла послушно рассказывала, только изредка запинаясь, припоминая какие-то детали. Рассказала обо всем – сейчас ей и в голову не приходило что-то замалчивать. Повела о театре, который ее дочь не посещала. О том, что Ольга шантажировала отца, чтобы тот ее не выдал. О велосипеде, который нашел в парке один журналист – очень участливый, сердечный человек... Он тоже помогал искать Ольгу, пока она сама не объявилась.

– Я о нем, кажется, уже слышал, – заметил следователь. – Вот у меня тут записано. Тарасов Михаил Юрьевич, он?

Женщина достала из сумки помятую визитную карточку и подтвердила – он самый.

– Только он здесь при чем? – недоверчиво спросила она.

Узнав, что Михаил первым опознал тело ее дочери, случайно оказавшись поблизости, она замкнулась, ушла в себя. Говорила через силу, очень тихо, так что следователь попросил ее повысить голос – ради диктофона, тот просто не возьмет такой шепот.

– Вы, значит, подали в розыск, а дочь тут же вернулась? Где же она была?

Алла пожалала плечами:

– Не знаю. Я пыталась выяснить... Она врала. Я даже ударила ее за это. Но у меня не было сил слушать это вранье. Я уверена – она была где-то в Москве. Судя по одежде – в подворотнях не спала. Могла бы хоть позвонить...

Он не останавливал ее, предоставив женщине излить душу. Она говорила запальчиво, перескакивая с одной темы на другую. Это была своего рода истерика, только без слез, без криков.

– Отец ее спросил – почему велосипед был в парке? Она ему говорит – украли мальчишки. Глупости, зачем же его выбросили? Я спрашивала – почему же она не дала о себе знать? Ни разу за целую неделю! Говорит – заблудилась в лесу с подружками... И где эти подружки? Хоть бы одну показала! Тошно слушать... Нет, правды от нее не добьешься... Она секретничала только с сестрой.

Да, сестра – это Милена. Ей четырнадцать лет. Да, они у меня сводные. У них разные отцы. О, боже...

Она вдруг сжала кулаки, уставилась в одну точку.

– Надо как-то сказать Степану, моему первому... Я не знаю, как ему такое сказать. Он совсем сопьется, когда узнает. А мама?!

Алла вжалась в спинку кресла. Вид у нее был обморочный, горло содрогалось от проглоченных рыданий. Следователь отправился на кухню за водой.

– Может, это была не она? – с какой-то безумной надеждой спросила Алла, опустошив стакан. – Вы почему так уверены, что это моя дочь? Потому что Михаил ее опознал?

– Ну и потому что паспорт был при ней. По фотографии.

– Ах, да, паспорт, – прошептала она. – Я все забываю, что у нее давно был паспорт. Все считала ее маленькой. Знаете, это ужасно трудно – переключиться, когда ребенок взрослеет. Я все пыталась... Даже думала в последние дни, когда Оля вернулась, не буду ей мешать. Пусть

гуляет. Ей девятнадцать лет. Потом одумается. Выйдет замуж. Господи! – Она сорвалась на крик. – Да кто же ее убил, зачем?!

Он больше не решался расспрашивать эту женщину. Видел, как она дрожит, пытается держаться – ради него, ради постороннего. И как ей страшно и горько. Алла постоянно повторяла, что они так и не помирились. Что она ударила Ольгу, а та ей не простила. И теперь не простит никогда.

– Извините, – сказал следователь, подождя, пока она немного успокоится. – Мне бы поговорить с вашей младшенькой. Как ее зовут, кстати? Елена?

– Милена, – поправила Алла. – Имя выбирал отец, в честь своей бабушки назвал. Только я не хочу, чтобы вы с ней говорили. Она и так переживает.

Ему все-таки удалось уговорить женщину. Она выставила условие – разговор будет происходить в ее присутствии. Это не очень устраивало следователя, но выбирать было не из чего. Нужно было использовать время, пока не вернулся хозяин квартиры. Машину забрал сержант, чтобы отвезти Виктора на опознание.

Когда они вошли в комнату, девочка не плакала. Она сидела на постели, глядя в книгу. Мать подошла и, взяв учебник, захлопнула его:

– Целый день так сидишь, а ведь не читаешь. Этот человек хочет с тобой поговорить. Он из милиции.

– Олю убили? – еле слышно спросила девочка.

Следователь придвинул стул и сел рядом с нею:

– Боюсь, что так. Ты хочешь нам помочь? Мы должны найти убийцу.

Девочка неожиданно отрезала:

– Знаю, что должны. Не говорите со мной, как с младенцем.

Мать всплеснула руками:

– И эта тоже взрослая стала! Попробуй только грубить!

Следователь видел, что девочка замыкается при каждом окрике, и ему было ясно – так она говорить не будет. Но как сделать, чтобы женщина ушла? Он попросил налить ему чашку чая, извинился, сослался на то, что весь день провел в разъездах. Алла вышла на кухню.

– Здесь спала твоя сестра? – Он показал на соседнюю постель, аккуратно заправленную пушистым оранжевым пледом.

– Да.

– А ты – здесь? – Он похлопал рукой по зеленому пледу на постели Милены. – Совсем рядом. Скажи, ты не проснулась этой ночью, когда сестра встала? Она ничего тебе не говорила – куда идет, зачем?

– Я крепко сплю, – с вызовом заявила девочка. – Как мой отец. Спросите у мамы – она подтвердит.

– Зачем же, я тебе верю. Знаешь, мне кажется, твоя сестра не очень доверяла родителям. Они что же – ссорились? Часто?

Милена молча отщипывала ворсинки от пледа. Видно, это была старая дурная привычка, потому что весь плед был в проплешинах. Наконец она дернула плечом, что означало нежелание отвечать. Следователь расстроился:

– Значит, предпочитаешь, чтобы убийца гулял на свободе? А если он захочет убить твоих родителей? Или, не дай бог – тебя?

– Меня-то за что? – хмуро ответила она. – Я у него ничего не брала.

– А кто брал? – быстро спросил следователь. – Твоя сестра? Милена, ты знаешь, что обязана мне отвечать?

Молчание. Девочка комкала угол пледа, расправляла его, снова сжимала в кулаке. Делала вид, что ничего не слышит. Следователь призвал на помощь все свое терпение – нелегкая задача после этого проклятого воскресного дня. Субботы и воскресенья он ненавидел больше

всего – самые тяжелые дни, все как с цепи срываются, и ему на руки валится очередное убойное дело. Вот как сегодня.

– Сестра рассказывала тебе о своих приятелях? Говорила, у кого провела целую неделю? Тебе-то она должна была сказать.

Девочка подняла на него деланно безразличные голубые глаза. Чуть шевельнула губами. Он едва разобрал:

– Ничего я не знаю.

– Почему же ты тогда сказала «ничего у него не брала»? Ты имела в виду какого-то мужчину верно? Знакомого сестры? Милена, мы же говорили об убийце. Я же не говорил – мужчина это или женщина. Ты сама сказала – «он».

– Я случайно... Просто так сказала! – Девочка вскочила и сделала шаг к двери, стараясь держаться подальше от следователя. – Ну, почему вы именно ко мне пристали?! Спрашивайте всех!

Возвратилась Алла с большой кружкой горячего чая. Следователь больше не удерживал Милену, и мать увела ее на кухню. Он сидел в одиночестве, пил чай, разглядывал комнату. Сразу было видно, что здесь живут две молодые девушки. Чистота, порядок, горшок с розовыми фиалками на письменном столе. Берестяная шкатулка, из-под крышки поблескивают дешевые украшения. На постели Милены – недочищенный апельсин. Под кроватью Ольги виднеются поношенные яркие тапочки – их кто-то аккуратненько поставил рядом. Над постелью в рамке карельской березы – цветной снимок – сестры в обнимку, обе улыбаются.

Он вспомнил девушку на поляне. Там она не улыбалась. Лежала на боку, чуть завалившись на живот, подогнув под себя согнутые окоченевшие руки. Видно, упав, пыталась еще зажать рану ладонями. Земля под ней была пропитана кровью. А по ее обескровленной, почти прозрачной щеке – от глаза к уху – быстро-быстро полз черный муравей. Для него эта девушка уже стала частью леса.

Глава 5

– Да, заходите. Что у вас с ногой? – поинтересовался следователь, увидев, как осторожно ступает эта девушка. Вызванная по делу Ватутиной свидетельница явилась без отговорок, в назначенное время. Она была первой свидетельницей, не считая, разумеется, родителей Ольги Ватутиной.

Наташа крепилась изо всех сил, но когда дотащилась до стула, у нее на глазах выступили слезы.

– Подвернула... Упала на сцене, – пробормотала она и криво, будто подломившись в коленях, уселась.

– Э, да что ж вы не сказали? – Оценил ее мужество следователь. – Мы бы к вам на дом приехали. Давайте знакомиться. Балакирев, Валентин Павлович. А вас, если не ошибаюсь, зовут Наташа? Можно и без отчества, я думаю.

– Ну, конечно...

– Так что вы ногу не лечите? С вывихом нужно лежать, я и сам вывихивал, знаю, какая это боль.

– А, все равно... Мне отсюда на спектакль, – обреченно ответила девушка. – Меня Ирина Сергеевна из дома забрала на своей машине. Сейчас ждет внизу.

– Это кто?

– Наша руководительница.

Следователь уже знал из показаний родителей Ватутиной, что та занималась в театре-студии «Жест». Адрес театра у него тоже был. Но он рассчитывал опросить всех актеров оптом, на репетиции, если удастся. Вызывать их сюда по одиночке... Наташа была исключением. Вчера оперативник передал ему координаты этой девушки и пояснил, что та вроде что-то знает о связях убитой. Будто этот факт сообщил опознавший тело журналист. То, что дознание, в сущности, началось еще до его участия, следователя не удивило. Беда была в другом – все эти факты, наводки, свидетели, которых ему тычут в руки прямо над трупом, часто оказываются пустыми номерами. Об этом журналисте ему также рассказывала мать погибшей. С ее слов он понял, что этот тип собственными силами искал Ольгу, параллельно с милицией. Это его тоже не очень обрадовало. Такие вечно суются под руку, а когда их не слушают – пишут донос начальству. А то и хуже – статейку в газету. Дескать, оперативники плохо работают, надо их поучить...

– А что же ваша руководительница – с такой ногой вас на сцену выпихнет? – Следователь рассматривал девушку. Держится скромно, вроде бы напугана, но не очень. Личико средней привлекательности. Ему как-то не верилось, что это – актриса. Скорее похожа на старшеклассницу или студентку. Этак из педагогического, что ли...

– Я сама обещала, что буду играть обязательно, – пояснила Наташа. – Меня некому заменить. Да я и не хочу, чтобы меня заменяли! Понимаете, роль у меня не главная, но очень важная... Я столько работала, и что же теперь – на пятом спектакле сломаюсь?!

Он налил себе и ей растворимого кофе. В ящике стола нашлась разорванная упаковка анальгина. Несколько таблеток уцелели, и он предложил их девушке:

– Примите. Что-то я не представляю, как вы будете играть. И так еле ходите.

Девушка смолчала. Она пила кофе без особой охоты – явно не решилась отказаться. Таблетку принимать не стала. Следователь поинтересовался, во сколько спектакль? В шесть. Ну, времени у них достаточно. И он предложил ей рассказать о своей подруге, Ольге Ватутиной.

Девушка не стала ходить вокруг да около, расписывая, как они познакомились, как дружили, как и почему разошлись. Она сразу взяла быка за рога и поведала о своей встрече с Ольгой десятого мая.

– Этот журналист, Михаил, сказал, что это очень важные показания, – добавила она.

«Опять журналист, – без особой досады подумал следователь. – Он не дурак, конечно. Но мог бы и не соваться». Он попросил подробнее описать машину, но девушка оказалась совершенно беспомощна в этом вопросе. Не могла понять, что такое бампер, с трудом сообразила, где кузов, а где крыло.

– Давайте тогда смотреть картинки, – со вздохом предложил Валентин Павлович. – Не вижу другого выхода. Сейчас пойдем посмотрим на компьютере модели иномарок... Э, да как же вы с ногой-то? Это на другом этаже, без лифта...

Однако Наташа, сжав зубы, отправилась опознавать модель машины на другой этаж. Следователь от души ей сочувствовал, а про себя восторгался: «Ну, я бы понял такую покладистость, будь она подследственной! Им деться некуда. А то простой свидетель, и вот – прискакала по первому зову на одной ноге. Все бы такие были».

Минут через сорок Наташа остановила свой выбор на «Опель – Кадете».

– Правда, тот был темно-синий, а этот на картинке – серый, – уточнила она.

– А декор салона? Не заметили? – поинтересовался следователь, отправляясь с девушкой в обратный путь. На ней лица не было от боли, и она тяжело опиралась на его руку. На этот раз Наташа не отвергла его помощь, – видно, ей стало не до церемоний.

– Нет, – пробормотала она. – Я взглянула и тут же отвела глаза... Темная обивка, кажется. Ой!

Подписав Наташе пропуск, следователь лично проводил девушку до крыльца. Увидел, как навстречу ей двинулась весьма колоритная личность – жирная карлица, в придачу горбатая. Когда карлица увезла Наташу, Валентин Павлович только головой покрутил: «Садистка! Девчонка еле по стенке ползает, а она ее на сцену... С этой надо подробней пообщаться».

Но общаться в тот день ему пришлось с другим, не менее колоритным персонажем – родным отцом Ватутиной. Ему звонили этим утром – вчера решили не сообщать такую новость на ночь глядя. Его адрес и телефон узнали от бывшей жены Ватутина. При этом Алла предупредила следователя – ее бывший муж попивает и в вечернее время может просто не понять, о чем идет речь. Его лучше доставать с утра. Однако к телефону Ватутина не позвали – сообщили, что он на работе.

Поехали на дом к Ватутину, благо он жил в том же Измайлово, неподалеку от РУВД. Номера квартиры в записке с адресом не значилось, следователь обратил на это внимание в последний момент. Не удивился – женщина была в растерзанных чувствах, могла забыть. Однако никакой квартиры у Ватутина и не оказалось. Здание, к которому подъехала машина, украшала черная табличка с надписью: «Общежитие». А телефон, который сообщила Алла, оказался телефоном вахты.

– Ватутин Степан Арсеньевич у вас проживает? – Следователь показал удостоверение вахтеру в пятнистой форме. Тот расплылся в злорадной и вместе с тем фамильярной улыбке:

– Так вы за ним? Что это он натворил, не секрет?

Оказалось – Ватутин живет здесь в комнате на первом этаже и числится среди обслуживающего персонала. Официально имеет профессию токаря, однако чаще возится с сантехникой – здание было выстроено в тридцатые годы, а трубы меняли в начале шестидесятых. Следователь отправился на поиски Ватутина – вахтер так поусердствовал, что даже выдал ему запасной ключ от комнаты токаря – сантехника:

– Либо он там валяется, либо где-то в подвале сидит. А может, ушел. Черт его знает! Вы его подовдите, сам явится.

Следователь прошел по длинному темному коридору. Его обогнал пухлый чернявый ребенок на трехколесном велосипеде. Велосипед на ходу неимоверно визжал и скрипел, так что скулы сводило. На кухне что-то шипело и шкворчало, запах был тошнотворный. Над сковородой сутилась миниатюрная вьетнамка в розовой маечке и блестящих лосинах. «Почему если кривоногая – то обязательно в лосинах? – меланхолично подумал следователь. – А местечко-

то душистое. Аж голова кругом идет! Селедку она жарит, что ли?! Сплошной Вьетнам. Немудрено, что Ватутин спился, у этих всегда водка в продаже». Коридор упирался в заколоченную дверь – запасной выход, как значилось на треснувшей черной табличке. Комната Ватутина располагалась рядом с этой дверью.

Следователь постучал. От каждого стука хлипкая фанерная дверь содрогалась, будто ее выбивали. А выбивали ее, как видно, не раз. В конце концов, следователь заметил клочок бумаги, торчащий из замочной скважины. Развернул и прочел сообщение с ужасающими ошибками: «Преду в шесть». Время подходило к шести, но он мало надеялся на точность Ватутина. Отпер дверь, причем долго пришлось ловить бородкой ключа вихляющийся замок – тот заваливался то вправо, то влево.

Комната выглядела примерно так, как он и ожидал. «Алкогольный стиль» был выдержан до мелочей. Немытые лет пять окна. С внешней стороны – решетки. Ненужная роскошь – красть было нечего. Две кровати, одна без белья, другая с каким-то подобием одеяла. Стол – ничем, кроме мусора, не покрытая плита ДСП на четырех стальных ногах. Стенной шкаф без дверей, вместо них – веселенькая занавеска на веревочке. Он отодвинул занавеску, и ему чуть не стало дурно. Видимо, на одной из полок когда-то закончила свои дни селедка и труп никто до сих пор не прибрал. Пара стаканов, огромная черная сковорода, погнутые вилки, пожелтевшие от древности кеды, синяя рубашка, аккуратно сложенный пиджак, мочалка, воткнутая в банку с мыльной водой. Все вперемешку, общая стоимость имущества – рублей пять. Из остальных вещей в комнате фигурировали только окурки.

Он прошелся по комнате, отметил фотографию Ольги – без рамочки, припиленную булавкой к обоям. Снимок недавний, цветной, любительский. Ольга улыбалась, довольно натянуто, накинув на плечи какое-то диковинное красное одеяние. «Все-таки они общались». – Следователь остановился, разглядывая лицо девушки, но тут кто-то заскребся в дверь, и после недолгой борьбы с замком в комнате появился хозяин.

– А я тут в душевой был... – забормотал он. – Мне сказали – милиция?!

Балакирев подтвердил, что он и есть представитель закона. Представился, попросил разрешения взглянуть на документы. Ему предъявили потрепанный паспорт, и он удостоверился, что имеет дело с отцом Ольги. Это был тощий, изможденный человек с пронзительными, близко посаженными глазами. Он выглядел старше своих тридцати восьми – на вид скорее можно дать пятьдесят. Его огромные, темные руки свисали как неуклюжие клешни. Появление милиции его страшно встревожило, он выглядел пришибленным. Ему и в голову не пришло возмутиться, что в комнате хозяйничают в его отсутствие. У этого человека явно не осталось понятия собственности – слишком мало этой собственности у него было.

– Степан Арсеньевич, у меня к вам несколько вопросов. – Следователь вернул ему паспорт. – Да вы бы сели.

Это вежливое предложение напугало хозяина хуже прямой угрозы – тот даже отшатнулся:

– Да что случилось?! Я, кажется, ничего не сделал! И в субботу и вчера – был здесь, меня видели, все могут подтвердить... Я душ чиню уже неделю, мне некогда шлаться! Вчера еще велик починил Махмудке. Выпил, лег спать. Ну и что? Пил у себя в комнате. Совсем уже... Кто милицию-то вызвал? Эта, наверное... Галина. Сама же пьет, уже все казенное белье пропила! Кастелянша с...ая!

– Да вы успокойтесь, никто не жаловался. Я по другому поводу пришел. Степан Арсеньевич, припомните-ка – вы дочку давно видели? – перебил его следователь. Тот заикнулся и умолк – такого вопроса явно не ожидал. Потом глубоко задумался. – Степан Арсеньевич, вы меня слышали?

– Да, сейчас. Видел, конечно... Только вот числа не вспомню... Между майскими праздниками и Днем Победы.

Следователь насторожился. Мать Ватутиной утверждала, что Ольга виделась с отцом два года назад – тот сам позвонил, очень просил о встрече, и дочь встречалась с отцом где-то в городе. Вернулась недовольная – тот пришел на свидание пьяный.

– Вы про какие праздники говорите? Про эти?

– Ну да. Про какие же? А что с ней? – забеспокоился отец. – Она же вернулась, так что же шум поднимать!

– А, так вы знаете, что дочка пропадала?

– Как не знать! Меня уж допрашивали.

– А где она была – знаете?

Ватутин отмахнулся:

– Ну, откуда... Взрослая уже. Наверное, парня завела. Она у меня красивая, вы видели? – И с гордостью показал на фотографию Ольги: – Вот! Она мне подарила. Вот как раз, когда сюда пришла.

– И больше вы не видели ее?

– Нет... Да что такое? – уже не на шутку встревожился Степан. – Вы только не впутывайте ее никуда, она хорошая девушка! Вы лучше мне скажите – если она что-то натворила – я сам ей хвост накручу! Отец все-таки! А этому чухонцу на нее плевать, я всегда Алке говорил!

Следователь решил:

– Степан Арсеньевич, я веду дело об убийстве вашей дочери. Убили ее вчера. Нашли в Измайловском парке. Мы пытались с вами связаться, но не вышло. Степан Арсеньевич! Вы понимаете, о чем я говорю?

Вопрос задавался не зря – виду хозяина комнаты был совершенно идиотский – нижняя губа отвисла, глаза сделались пустыми и мокрыми. Неожиданно он опустился на кровать и расплакался – сипло, сгорбившись, так что на худой спине под рубашкой обозначились все позвонки.

– Ой, я не могу! – как-то по-бабьи воскликнул он, поднимая мокрое искаженное лицо. – Олечка... Олечка... Родная... Дочечка моя...

Он долго не мог остановиться, да и не собирался делать усилие над собой. С ним случилась настоящая истерика. Следователь пытался воздействовать на него словом, принес ему воды с кухни. Ничего не помогало. В конце концов, вахтер, заметивший его в коридоре, дал дельный совет:

– А вы ему водки стакан налейте! Сразу захорошеет и разговорится!

– Вряд ли у него есть, – буркнул следователь. – А то бы уж выпил.

– А я ради такого случая найду. Эй, Люська! – Вахтер схватил за тощие плечи пробежавшую мимо вьетнамку. – Быстренько – чекушку! За счет фирмы!

Вьетнамка с ненавистью покосилась на него, однако вынесла из своей комнаты бутылку. Лекарство в самом деле произвело эффект. Степан Аркадьевич жадно выпил – без помощи стакана, просто содрав жестяную крышечку. Последние глотки делал уже будто через силу. Поставил полупустую бутылку на пол, закурил. Будто впервые увидел следователя:

– А... Чего вам?

– Помните, о чем мы говорили? – раздраженно спросил Балакирев. Он тоже закурил. – Вы должны нам помочь. Сами сказали – дочка была у вас в начале мая. Зачем она приходила? О чем вы говорили? Вспомнить-то можете?

Степан Арсеньевич жадно затянулся и аккуратно загасил окурок о подошву ботинка. Он действительно стал говорить отчетливее и чище. Пока Ватутин был трезв, казалось, что у него дефект речи.

– Зачем пришла? Денег просить! – выпалил он. – Подгадала к получке. Я регулярно зарплату получаю. У нас не задерживают.

– Зачем ей были нужны деньги?

– Ну, зачем? На что-то там... На туфли, что ли. – Он дернул щекой и достал из пачки еще одну папиросу. – Эта чухна разве даст девчонке на туфли?

– Вы про ее отчима говорите?

– Про него. Родной дочке – все что хотите! А моей – шиш!

– Это Ольга так сказала?

– А то бы я сам не понял! Я дал ей четыреста рублей. Больше уж никак не мог. Она сказала – отдаст, но я разве взял бы?! Никогда! Так и сказал – бери, это тебе подарок.

– Вы с ней о чем, кроме денег, говорили? – Следователь украдкой достал записную книжку и черкнул «400 руб. у отца на туфли. Туфли проверить». Тот этого не заметил. Глаза у него затуманились, он мямля папиросу грубыми коричневыми пальцами. Молчал. Потом неожиданно всхлипнул, передернулся и закурил.

– Она посидела у меня... Недолго, правда. Жаловалась, что в институт трудно поступить без денег. Что в театре каком-то играет. Я еще хотел сходить посмотреть, потом подумал – ну его, не пойду... Только опозорю ее. Думаете, я не понимаю, что я ее позорю? Знаю! Такой папаша... Конечно, чухна куда как лучше. Тот непьющий, чистый такой... Как хряк-медалист. И такой же гордый. Я, мол, царь, вы все – говно! Фамилия у него знаете какая?

Следователь сказал, что знает. Он поинтересовался – не жаловалась ли Ольга на отчима. Может, были какие-то конфликты?

– Она не пожалуется, – нежно и слезливо произнес отец. – Она не такая... Была. А, черт! Он допил то, что оставалось в бутылочке. Покосился на следователя:

– Погодите... Откуда у меня бутылка? Это я вашу пью, что ли? Ладно, я сейчас сбегаю, куплю...

Следователь усадил его на место:

– Потом купите. Все равно пить не буду, я на работе. Вы с дочерью часто виделись?

– Да нет... Совсем не виделись, – с прежней слезливой интонацией запричитал тот. – Ее против меня настроили. Алка и этот ее боров. Ну, конечно! Я ж по-немецки не умею... Куда мне!

В конце концов он довольно связно пояснил, что в начале мая дочка явилась к нему после двухлетнего перерыва. И кстати, просила ничего не рассказывать маме.

– Я и не стал бы. Что ж я буду своего ребенка закладывать!

– Ну а когда узнали, что дочь пропала, тоже не рассказывали?

– А какое это имеет отношение? – запутался он. – Она же не у меня пряталась. Да я и не переживал. Знал, что вернется.

– Почему же? Вот ее мать, например, переживала. Обратилась в милицию. И отчим переживал.

Ватутин взвился:

– Он-то? Хрен вам! – И тут же осекся, забормотал: – Господи, что же это... Родного ребенка убили... Я на похороны пойду! Пусть они что хотят говорят, а я пойду! Не имеют права запретить!

Он схватился за пустую бутылку и отдернул руку, будто обжегся.

– Я все-таки сбегаю, ларек тут рядом.

Следователь покачал головой:

– Так уж это необходимо? Лучше бы мне помогли, подумали. Вспомнили, о чем вам дочка рассказывала.

Тот мучился, ерзал на продавленном матрасе, сжимая огромные темные кулаки. «Пустой номер, ничего он не вспомнит. – Следователь смотрел на этого человека без тени жалости. – Напьется, тут же забудет, что дочь умерла. Ну, подерется с кем-нибудь. Поплачет. Такому легче, чем трезвому. Лишний повод выпить».

– Ну а про своего парня Ольга рассказывала? – закинул удочку Балакирев. По личному опыту он знал – такие, взятые с потолка вопросы иногда мобилизуют память алкоголиков. Те зачастую не подозревают, что запомнили что-то, и без посторонней помощи им не справиться.

– Про парня? – глупо переспросил тот.

– Ну, у которого шикарная машина.

– Разве у него машина? – озадачился Степан Арсеньевич. – Не помню... Может, и есть машина. Она говорила, что торопится, что ей надо встретиться с каким-то другом. Потому и не стала долго сидеть.

Как ни бился Балакирев, больше ничего выудить не удалось. Он сунул блокнот в кейс и встал:

– Ладно, еще увидимся, я думаю. Если понадобится – пришлем повестку на вахту или позвоним... Кстати... Вы москвич?

– Мама из Загорска, а я москвич. – Хозяин тоже засобирався в путь. Он шарил по карманам, потом, опасливо взглянув на следователя, запустил руку под матрац. Извлек оттуда тщательно сложенную сторублевку.

– От себя же и прячу, – смущенно пояснил он. – Ну и от гостей. Тут всякие ходят.

– Что ж вы живете в общежитии? – поинтересовался следователь, наблюдая, как Ватутин запирает свою капризную дверь. – Квартиру жена отняла при разводе?

– Ну, какое! – возмутился тот. – Алка хоть и стерва, но не настолько же... У меня после разъезда комната осталась. Хорошая комната.

– Пропили? – просто спросил следователь.

– Да как сказать... Вроде бы не пропили, а потерял. Прописал там одну бабу... Женился на ней. Надоело одному мыкаться. Да только какая она жена, так... Название одно! Не мог я с ней жить. Она меня не понимала. Нашел вот работу с жильем. Ничего... Живу. Меня тут временно прописали.

«Живешь, пока у тебя руки двигаются. – Следователь шел чуть позади Ватутина – тот шустро устремился к вахте, сжимая в кулаке деньги. – А когда совсем сопьешься – прямая тебе дорога в бомжи».

На вахте Балакирев немного задержался. Он спросил, фиксируют ли здесь гостей, которые приходят в общежитие.

– А как же. – Вахтер с торжеством развернул журнал. – Обязательно. Данные паспорта, к кому пришел, сколько пробыл. После одиннадцати всех – вон. А то бы у нас тут пол-Вьетнама ночевало бесплатно.

– Поглядите, кто приходил к Ватутину где-то в первой декаде мая. Особенно гостей женского пола.

Вахтер ухмыльнулся и перелистнул несколько страниц:

– Женский пол к нему не ходит. Он уже не интересуется этим. Дружки бывают в основном. Хотя... Да, была тут девица какая-то. Интересная такая блондинка. Он говорил – дочь.

Ватутина Ольга Степановна посетила общежитие пятого мая, в половине седьмого вечера. Ушла через пятнадцать минут. И в самом деле, пробыла ровно столько времени, сколько нужно, чтобы занять денег. Следователь закрыл журнал.

Его помощник в это же время отрабатывал магазин «Коллекционные вина». Согласно показаниям Натальи Семеновой, именно возле этого магазина она видела Ольгу в синем «Опель-Кадете». Помощник опрашивал продавцов. Просил вспомнить клиента, у которого была такая машина. Показывал фотографию Ольги, картинку с моделью машины. Уточнял число – десятое мая. Время – семь часов вечера.

Одна из продавщиц – та, что продавала сигареты и сигары, припомнила, что вроде такая машина была. Ее-де привлекла громкая музыка с улицы. Музыка раздавалась из шикарной

машины темного цвета. Черного или темно-синего – она сказать не может. Девушку в открытой дверце тоже не заметила.

– А водителя помните?

– На нем же не написано, водитель он или кто, – заметила девушка. – Может, зашел к нам... Откуда мне знать?

Неожиданно подошел охранник магазина:

– Слушайте, я тут вспомнил. После Дня Победы в магазине был один заметный мужик... Я на него обратил внимание – он еще баксы выронил возле кассы... Руку вынул из кармана, а деньги оттуда полетели. Сам подбирал, раскорячился над ними, нервничал. А на руке у него висел брелок с дистанционным управлением сигнализацией. Понятно, что от иномарки.

– От синего «Опеля»?

– Не знаю, не видел, на чем он уехал. Тут иномарок достаточно.

– Раньше его видели?

– Нет... Если и видел, то не часто. Постоянных клиентов запоминаю, я бы мог узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.